

Самарская городская общественная организация «Сообщество молодых учёных» (Московский филиал)

**Научный молодёжный ежегодник, выпуск 5, часть 2:
Актуальные вопросы гуманитарного познания.**

Москва, 2010.

ББК _____

Под редакцией:

Соколова И.А.; Президента СГОО «Сообщество молодых учёных», первого зам. пред. Совета молодых учёных при КДМ Администрации г.о. Самары, к.и.н. С.А. Репинецкого.

Составитель – Соколов И.А.

Научный молодёжный ежегодник, выпуск 5, часть 2: Актуальные вопросы гуманитарного познания: [материалы интернет-форума «Актуальные вопросы гуманитарного познания» от 5.09.2010] / Сост. Соколов И.А. – М., 2010. – 128 с.

ISBN _____

Данный сборник продолжает линию публикаций молодых исследователей. Сборник включает ряд статей различной тематики и призван продемонстрировать новые перспективные направления исследований, либо расширить существующие границы научного знания. Материалы публикуются в авторской редакции, авторы несут полную ответственность за их содержание.

Научное издание

© Авторы материалов, 2010

Оглавление:

Винокуров Д.А. К.И. Невоструев – О.Ф. Миллер – П.А. Бессонов: к вопросу о специфике научной полемики в пореформенной России (на примере ситуации вокруг магистерской диссертации И.П. Хрущова).....стр. 4-27
Гурьев В.И. Становление московской сыскной полиции.....стр. 27-50
Дёмин И.В. Экспликация экзистенциально-онтологического смысла истории и историчности в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера...стр. 49-58
Лазутин А.В. О Восприятии иудеев христианами средневековья.....стр. 58-71
Мамонов А.В. Журнал «Нива» и русское просвещение.....стр. 71-74
Пешкова Ю.Н. Некоторые аспекты изучения зарубежной литературы в старших классах.....стр. 74-82
Платонова А.А. Браки фабричных рабочих и московских мещан на территории Замоскворецкого сорока (конец XVIII- начала XIX вв.).....стр. 82-90
Репинецкий С.А. Иностранная цензура в Российской империи в период подготовки отмены крепостного права.....стр. 90-103
Серганин М.В. Некоторые аспекты изучения социальной сферы крупных промышленных предприятий в советской историографии.....стр. 103-110
Соколов И.А. Чай и чаепитие в русской живописи двух столетий: начало XIX – конец XX вв.....стр. 110-127
Авторыстр. 128

Винокуров Д.А. К.И. Невоструев – О.Ф. Миллер – П.А. Бессонов: к вопросу о специфике научной полемики в пореформенной России (на примере ситуации вокруг магистерской диссертации И.П. Хрущова).

Современная историографическая мысль характеризуется устойчивым интересом к проблемам социальной истории сообщества профессиональных историков XIX – начала XX веков. Вместе с тем, изучение конфликтов, возникавших в академической среде, является совершенно недостаточным¹, хотя оно, несомненно, может дать новые данные к осмыслению логики развития русской исторической мысли XIX века и ее связей с общественно-политической жизнью эпохи. Вдвойне актуальным является вопрос диалога двух форм академической культуры, существовавших в дореволюционной России: церковно-исторической, концентрировавшейся по преимуществу в духовных академиях, и университетской.

Вторая половина 1860-х годов ознаменовалась активным развитием церковно-исторической науки, в которой под воздействием различных факторов происходят серьезные изменения². Исследования по истории русской церкви 1860 – 1870-х гг., созданные представителями как

¹ Свешников А.В. О теоретико-методологических проблемах изучения научных конфликтов (структурный функционализм vs феноменология, экстернализм vs интернализм) // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. – М.: ИВИ РАН, 2009. С. С. 77-78

² Мягков Г.П. У истоков исследовательских школ в отечественной церковно-исторической науке // Исторический ежегодник. 2002 – 2003. – Омск: Издание ОмГУ, 2003. С. 69

«историков-клириков»¹, так и светскими учеными, мощно выдвинули эту область исторической науки на авансцену гуманитарного знания. Однако стремительно расходящиеся по противоположным полюсам направления общественной мысли формировали уже различные образы прошлого русской церкви, придавая им совершенно определенное содержание.

Эпоха подъема значения публицистики, роли журнальной критики оказывала серьезное влияние на облик всех сфер гуманитарного знания. Новации начала царствования Александра II приводили к причудливым изменениям, в том числе и цензурного курса властей. Складывалась парадоксальная ситуация, при которой, как отмечал С.М. Соловьев, «...в одно и то же время запрещалась вещь самая невинная, какой-нибудь исторический факт из времен давно прошедших, и допускался явный призыв к восстанию низших классов против высших»². Освоив жанр рецензии, под видом научной критики автора, нередко тот или иной ученый или общественный деятель проводили вполне определенные идеи социально-политического характера. Область церковной истории, бывшая до 1860-х гг. одной из самых консервативных в цензурном отношении, неожиданно превращается в арену столкновения мировоззрений, мнений и оценок того или иного факта или деятеля. Как выразился П.В. Знаменский, интеллигенция бросилась в обсуждение церковных проблем «как раб, вырвавшийся из оков», приходя при этом к «крайности либерализма и

¹ Термин Н.И. Солнцева (см.: Солнцев Н.И. Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII – XIX веков: Монография. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. – 200 с.

² Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других / Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. – М.: Издательство Московского университета, 1983. С. 349

нравственной распущенности»¹. Критика подлинных или мнимых научных ошибок церковных историков, раздававшаяся даже на страницах специализированных журналов, нередко выходила за академические рамки, приобретая черты карикатуры на автора и обличения его идей². Мировоззренческие установки, социальная среда, политические убеждения историка, работающего в церковно-историческом проблемном поле, накладывали отпечаток на его творчество. В этих условиях обращение к традиционно «острым» для русской мысли сюжетам истории русской церкви не могло не приводить к конфликтам в ученой корпорации. История идейно-религиозных течений в русской церкви XV – XVI вв., известных как «иосифлянство» и «нестяжательство», в это время привлекает внимание значительного количества исследователей. Однако в методичную академическую разработку проблемы изначально вмешались многочисленные вненаучные факторы, определившие во многом последующую склонность к схематизации и зависимости научных выводов от «партийных» предпочтений конкретного дореволюционного исследователя.

Наиболее ярко данные процессы, с нашей точки зрения, проявились в полемике вокруг магистерской диссертации начинающего историка И.П. Хрущова (1841 – 1904) «Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого», опубликованной в 1868 году. Научная ценность данной работы состоит, прежде всего, в том, что впервые была

¹ Знаменский П.В. Православие и современная жизнь. Poleмика 60-х годов об отношении православия к современной жизни. – М.: Свободная совесть, 1906. С. 3.

² См. показательный пример в: Барсов Н.И. Как иногда пишется критика / Барсов Н.И. Несколько исследований исторических и рассуждений о вопросах современных. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. С. 308-331.

поставлена задача комплексного изучения истории текстов, принадлежавших Иосифу Волоцкому (1439 – 1515) и его литературному окружению в контексте развития общественной и религиозной жизни на Руси конца XV – начала XVI вв. Автор сделал первые шаги по изучению социального состава братии Иосифо-Волоколамского монастыря, привлек к исследованию большинство посланий его основателя, «Устав» и «Духовную грамоту» Иосифа Волоцкого, реконструировав по ним быт обители, а также продолжил начатое П.М. Строевым изучение состава монастырской библиотеки. Исследование Хрущова явилось последней специальной дореволюционной работой об Иосифе Волоцком, которую можно назвать «научно-биографической». В приложениях к книге был напечатан целый ряд ценных источников: «Послание к княгине Марии Голениной», «Послание к В.А. Челяднину», «Послание инокa Герасима Поповки», «Послание о еретике Кленове», а также приведено толкование и сокращенный текст «Извета Иосифа Волоцкого», обнаруженного А.В. Горским и К.И. Невоструевым.

Исследование Хрущова, несмотря на то, что автор, очевидно осознавая остроту поднятой им темы, поспешил обезопасить себя заявлением, что он ни в чем не касается «духовной» стороны вопроса¹, отличается наличием прорывающейся сквозь тенета недомолвок и осторожных грамматических конструкций авторской точки зрения на объект описания. По отношению к иосифлянству ее можно назвать критической. Определяя общее направление деятельности Иосифа Волоцкого как консервативное², Хрущов сделал ряд оценочных характеристик, требующих более глубокой аргументации, чем она дается в книге. Например, автор сравнивает Иосифа Волоцкого с католическим монахом Пьером де Во-де-Серне, оставившим описание

¹ Хрущов И.П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. С. VIII

² Там же. С. VI

Альбигойских войн, говорит о том, что учение Иосифа Волоцкого было воспринято в XVII веке старообрядцами, что Иосиф Волоцкий является предтечей российского деспотизма, т.к. на его взглядах «воспитался Грозный»¹. Хрущов полностью отходит от провиденциальной концепции образования ереси жидовствующих, объясняя ее появление недовольством новгородского духовенства «московским самоуправством» соединившимся с низким образовательным уровнем священнослужителей на Русском Севере. Эти факторы, пусть и частично, «оправдывают» появление ереси в глазах читателя². В то же время, работа содержит довольно легковесные утверждения о восприятии Иосифом Волоцким ереси, вроде: «Строгий ревнитель православия полагал всю силу, все достоинство родной страны, в том, что она «благочестием всех одоле», а тут вдруг явились эти еретики, в которых Иосиф видит врагов своей святой родины»³ и т.д. Подобные суждения могли показаться историку, привыкшему к уважению церковного предания, излишне заостренными и даже провокационными.

Сразу же после выхода книги из печати на нее последовало две рецензии, авторами которых выступили Н.И. Костомаров (1817 – 1885) и О.Ф. Миллер (1833 – 1889). Именно эти рецензии закладывают, вместе с трудом И.П. Хрущова, своеобразный водораздел, отделивший «старое»⁴ отношение к Иосифу Волоцкому в просвещенном обществе от «нового», подкрепленного как новыми источниками, так и новым – «либеральным» идеологическим каркасом. Обе рецензии претендовали не столько на

¹ Там же. С. VII

² Там же. С. 107-108

³ Там же. С. 135

⁴ См.: Винокуров Д.А. Начальный этап изучения истории раннего иосифлячества в контексте формирования церковно-исторической науки в первой половине XIX века // Исторический ежегодник. 2009.: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Рипэл, 2009. С. 19-36

качественный научный разбор сочинения, сколько являлись средством для обозначения собственной позиции, занятой рецензентами, относительно значения деятельности Иосифа Волоцкого для современности.

Еще в 1861 г. в статье «Две русские народности» Н.И. Костомаров сформулировал идею о типологическом сходстве развития Киева и Новгорода. Северо-восточная Русь эпохи московского «собирания земель», представляла по отношению к Новгородской республике не только политическую, но и духовную антитезу. «Крайнее торжество общности над личностью»¹ отражалось на «московской» религии усвоением ее «формы», догмата и обряда, в то время как южнорусско-новгородская традиция восприняла «дух» христианства и стояла на основаниях веротерпимости². Эти идеи значительно повлияли на отношение Костомарова к проблемам, поднятым в диссертации Хруцова. Тезис об особых «направлениях» иосифлянства и нестяжательства, выраженный у Хруцова не очень четко, Костомаров обозначает максимально контрастно: в конце XV – начале XVI века они образуют две устойчивые данности: «Внешними признаками их были – одного: общежительство, другого – особое житие; Одно опиралось на авторитет, другое на самоубеждение; одно стояло за строгость, другое за кротость...Эти различия совпадали с тем общественным различием, какое показывали в своем строе север и середина Руси – Новгород и Москва»³. Нестяжательство, таким образом, становилось проявлением вольнолюбивого характера северянина, который «не хотел налагать на себя тяжелого ярма», а

¹ Костомаров Н.И. Две русские народности / Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Том первый. – СПб.: Типография А. Траншеля, 1872. С. 85

² Там же. С. 86-87, 91

³ Костомаров Н.И. Рец.: Исследование о сочинениях Иосифа Санина, препод. игумена Волоцкого. Соч. И. Хруцова // Вестник Европы. – 1868. – Кн. 4. С. 959

иосифлянство выросло из среднерусской, «московской» общины, транслировавшей свои особенности на монастырский киновий, в котором «власть настоятеля была...подобием неограниченной власти великого князя над землею»¹. В «костомаровскую» характеристику Иосифа Волоцкого властно вторгается дух времени, дух буржуазных реформ 1860-х гг. и мечтаний о более справедливой форме общественного устройства. Ступив на путь модернизации исторического процесса, Костомаров вполне осознанно приходит к поиску современного прототипа волоколамского игумена: «В наше время, с подобным характером человек менее мог попасть в монастырь, разве тогда, когда монашество служило бы ему средством для иных целей. В наше время, такой человек, скорее всего, сделался бы публицистом, и всего вероятнее консервативным, или оратором при условиях существования парламентарности»². Историческая параллель, проведенная историком, неожиданно и парадоксально связала волоцкого игумена, сыгравшего выдающуюся роль в религиозной, политической и культурной жизни своего времени, и «консервативного публициста» по типу М.Н. Каткова.

Практически одновременно с Н.И. Костомаровым на работу И.П. Хрущева откликнулся О.Ф. Миллер. Уже само название его работы – «Вопрос о направлении Иосифа Волоколамского» – носило знаковый характер. Сам автор – человек активной жизненной позиции, к этому времени уже прошел достаточно серьезную школу журнальной полемики, вполне усвоив «правила игры» либеральной публицистики³. Так же как и

¹ Там же. С. 969

² Там же. С. 970

³ Сам приход О.Ф. Миллера в науку сопровождался совершенно разгромной рецензией Н.А. Добролюбова на его магистерскую диссертацию (1858). Известный критик аттестовал труд Миллера как «бездарную пошлость», трата времени на чтение которой «есть трата самая бесплодная и скучная, какую только можно вообразить». Добролюбов издевательски посетовал

Костомаров, Миллер использует схему четкого разделения «иосифлянства» и «нестязательства», чья «яркая противоположность...составляет, конечно, одно из самых знаменательных явлений в истории нашей древней образованности»¹. Не имея цельной теории развития средневековой России, взгляд Миллера на роль Иосифа Волоцкого сформировался под сильным влиянием элементов славянофильской идеологии.

Как и статье Костомарова, рецензии Миллера была присуща значительная модернизация исторической эпохи, в которой разворачивалась деятельность Иосифа Волоцкого; в частности Миллер представляет Иосифа, вслед за А.П. Щаповым², идейным противником крепостного права: «и в XVIII веке, – сетует Миллер, – находились у нас уже европейски

даже, что «чего на свете не бывает!», и в будущем автор будет прививать свои идеи «где-нибудь выше» гимназии. Не прошло и 15 лет после выхода рецензии, как О.Ф. Миллер стал профессором Санкт-Петербургского университета. См.: Добролюбов Н.А. О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных. По поводу вопроса о современном направлении русской литературы. Сочинение Ореста Миллера на степень магистра русской словесности. СПб. 1858 / Добролюбов Н.А. Сочинения. Том II. – Изд. 4-е. – СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1885. С. 301-312. Научные взгляды О.Ф. Миллера, изучавшего русский народный эпос и древнерусскую литературу, оценивались его коллегами как, по меньшей мере, спорные. См., напр.: Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. – М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1897. С. 371-372

¹ Миллер О.Ф. Вопрос о направлении Иосифа Волоколамского // Журнал министерства народного просвещения. – 1868. – № 2. – С. 529

² Щапов А.П. Голос древней церкви об улучшении быта несвободных людей. Речь, произнесенная на торжественном акте Казанской духовной академии, в память основания ее. – Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1859. С. 23

образовавшиеся поборники противоположного. Даже Карамзин в XIX веке отстаивал крепостное право. Любителям извинять подобные умственные грехи духом времени не мешало бы вспомнить Иосифа Волоцкого и вообще нашу древнюю церковь»¹. Вместе с тем, иосифлянское «направление» отличается, по Миллеру, крайним дуализмом: с одной стороны – возведенная в абсолют каритативная функция монастыря, с другой – «древний наш богатырь» призывал к физическому истреблению еретиков.

Если Костомаров считал основной отличительной чертой иосифлянства и нестяжательства форму монастырского устройства, которая была проявлением более широких национальных различий, то для Миллера она виделась в отношении к еретикам, что позволило ему отрицательно охарактеризовать «направление» Иосифа Волоцкого. Здесь Миллер опять мыслит в рамках противопоставления русской прото-инквизиции и «мыслящего большинства», «вдохнувшего...идею христианской пощады» к ереси. Автор даже приходит к выводу, что принятие иосифлянами инквизиционных методов борьбы явилось проявлением «русской породы», которая «идет в науку к другим, хотя бы и не к добру»². А следовало бы, восклицает Миллер, даже «непогрешимейшим папам, и всему правоверию западному – поучиться настоящему христианству у наших Заволжских старцев»³, так же как Лютер перенимал черты своего учения у Яна Гуса. Вместо этого, однако, в 1504 г. состоялся «второй Флорентинский собор»⁴ своим решением обозначивший своего рода духовную «унию с Западом». Эта «уния» оказала мощное искажающее влияние на дальнейшее развитие русской церкви, предопределив жестокие гонения «никонианцев»,

¹ Миллер О.Ф. Вопрос о направлении... С. 530-531

² Миллер О.Ф. Вопрос о направлении... С. 538

³ Там же

⁴ Там же. С. 541

воспринявших методы «презлых осифлян», на сторонников протопопа Аввакума.

Благожелательные журнальные отклики побудили Хрущова подать свое сочинение на соискание престижной Уваровской премии (1869). Обязательными рецензентами его работы выступили К.И. Невоструев (1815 – 1872) и все тот же Н.И. Костомаров. Официальный отчет, оперируя данными двух рецензий, довольно сухо представляет дело, которое, несомненно, может быть показательным для изучения особенностей функционирования академической исторической науки в пореформенной России. Работа Хрущова была оценена малой премией¹, притом, что один рецензент полностью отверг возможность премировать автора, а другой – допустил возможность поощрительной премии. К этому стоит добавить, что Невоструев, которому противодействовало едва ли не большинство членов Уваровской комиссии, был награжден как лучший рецензент золотой медалью².

Отзыв Н.И. Костомарова, в противовес его журнальной статье, более похожей на прокламацию его общеисторических взглядов, помещенный в «Отчете» строг, лаконичен, сосредоточен на рассмотрении частных источниковедческих проблем сочинения. Значение работы Хрущова Костомаров видит, прежде всего, в том, что она является полезным для историка «указателем к сочинениям Иосифа»³, в котором, однако, обойдены

¹ Отчет о двенадцатом присуждении наград графа Уварова, читанный в публичном заседании Императорской Академии Наук 25-го сентября 1869 года // Записки Императорской Академии наук. Т. 16. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1870. С. 54

² Там же. С. 72, 157

³ Костомаров Н.И. Отзыв о книге г. Хрущова: «Исследования о сочинениях Иосифа Волоцкого» // Отчет о XII присуждении наград графа Уварова. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1870. С. 214

«крупные объединительные вопросы». Костомаров просит Комиссию руководствоваться при окончательном заключении о работе Хруцова скорее социальными, чем научными критериями, ведь перед ней «...первое произведение автора, человека еще молодого, и умеренное одобрение и поощрение может ободрить его и побудить к более зрелым работам...»¹.

С более развернутым обзором книги Хруцова (рецензия включает в себе 100 страниц текста) выступил профессор Московской духовной академии К.И. Невоструев. Работа Невоструева написана с диаметрально противоположных позиций относительно рецензий Миллера и Костомарова. Рецензент подошел к делу по-своему ответственно и проверил работу не только на научную валидность, но и на объективность отражения ей исторического предания православной церкви. На протяжении рецензии, отличающейся, если можно так выразиться, «воспитательным» характером, помимо научной критики, идет постраничный поиск и идентификация «вольнодумных» идей автора, который писал книгу, по мнению рецензента с «предзанятой идеей против монастырей»². Эти «идеи» вскрываются Невоструевым методично и скрупулезно: там, где Миллер и Костомаров, возможно, видели лишь фигуру речи, Невоструев усматривал чуть ли не ересь: например, рассматривая «очень нехорошо» употребленное выражение автора о защите Иосифом «укоренившихся верований», Невоструев резюмирует: «Положим – это выражение: но выражение означает мысль. Иосиф защищал догматы о св. Троице, о Божестве Иисуса Христа и Духа Святого, о втором пришествии Христовом, о важности писаний апостольских и отеческих. Ужели все это не более, как укоренившиеся в России верования,

¹ Там же

² Невоструев К.И. Рассмотрение книги г. Хруцова: «Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого», СПб. 1868 // Отчет о XII присуждении наград графа Уварова. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1870. С. 110

а не основные догматы Церкви вселенской, за которые страдали и проливали кровь свою мученики и исповедники?»¹. А в попытке создания идейной связи между иосифлянским учением и старообрядчеством, Невоструев прямо видит «унижение преподобного»². Более всего Невоструев не согласился с Хрущовым и его журнальными рецензентами в том, что Иосифа Волоцкого можно рассматривать не только как религиозного, но и как политического деятеля; широкую известность в историографии получило его высказывание: «Иосиф не имел никаких политических взглядов, а как отец и учитель духовный в своих сочинениях раскрывал иногда по учению Библии значение и обязанности царей, давал князьям христианские уроки мудрости, кротости и правосудия, на коих зиждется благосостояние царств»³.

Особой спецификой отличаются взгляды Невоструева на соотношение ереси жидовствующих, иосифлянства и государственной власти в начале XVI века. Исходя из представления о крайней опасности ереси жидовствующих для основ русской государственности, он приходит к частичному оправданию решений собора 1504 г.: «Не противоречит эта казнь таких именно еретиков, каковы были теперь жидовствующие, и в таких обстоятельствах, ни Божеским, ни человеческим законам, но еще требуется ими»⁴.

Нашлось место в рецензии и своеобразному «спору поколений» в ученой корпорации: Невоструев, например, подчеркивает моральную допустимость с позиции XV – XVI веков наведения дисциплины в монастыре с помощью жезла настоятеля: «нынешняя гуманность», «современная деликатность», как иронически он называет педагогические воззрения своих оппонентов, противопоставляется «строгим временам»

¹ Там же. С. 86

² Там же. С. 87

³ Там же. С. 88

⁴ Там же. С. 130

русского средневековья, в которых рукоприкладство «скорее можно объяснить простотою, а не грубостью нравов и не развращением»¹.

Резюмируя, Невоструев отмечает, что основной недостаток книги содержится не в научных промахах, а в ее новом и нестерпимом «направлении», которое проявилось «...в вольных и обидных для Церкви Русской и преподобного суждениях и нареканиях»². Начинается «война направлений»: Хрущов и Миллер видят «иосифлянское» направление в истории русской церкви; Невоструев же находит «хрущовское» направление, проявившееся в историографии, отрицая между тем, какое бы то ни было «направление» у Иосифа Волоцкого. Невоструев самым решительным образом отказал Хрущову в праве на получение Уваровской премии, так как она разожгла «в публике превратные представления о Церкви и о лице преподобного, вполне почтенном и заслуженном»³.

Биограф К.И. Невоструева В. Андреев справедливо отметил, что из-за рецензии «Против К(апитона) И(вановича) поднялась целая буря», а основное давление на ее автора стал оказывать И.И. Срезневский и какие-то «родственники» И.П. Хрущова, не смирившиеся со «строго-православными убеждениями» Невоструева и желавшие присуждения награды путем отзыва Невоструевым своей первоначальной рецензии⁴.

Академик И.И. Срезневский (1812 – 1880), состоявший в Уваровской комиссии, являлся научным руководителем И.П. Хрущова при написании магистерской диссертации, и более того, сам, по свидетельству Хрущова сформулировал его тему. «Сочувствие доброго человека, всегдашняя готовность оказать содействие и неумолимая строгость ученого – вот

¹ Там же. С. 95, 103

² Там же. С. 161

³ Невоструев К.И. Рассмотрение книги г. Хрущова... С. 165

⁴ Андреев В. К.И. Невоструев (Биографический очерк). – Русская старина. – 1908. – № 2. С. 382

качества, в руководствующем профессоре, в которых более всего нуждается руководимый и которые нашел я в почтенном профессоре»¹, писал Хрущов в 1866 г. Спустя три года «сочувствие доброго человека» еще раз помогло Хрущову. Под «родственниками» И.П. Хрущова в первую очередь надо понимать, естественно, тестя Хрущова – известного историка Д.В. Поленова (1806 – 1878), который являлся членом-корреспондентом Академии наук и занимал видный пост во II Отделении Собственной Е.И.В. Канцелярии. Как позднее вспоминал И.П. Хрущов, Д.В. Поленов тесно дружил с тем же И.И. Срезневским². Сам Хрущов был знаком столичной бюрократии и даже представителям императорского Дома³.

Много данных по истории присуждения Уваровских наград 1869 г. и последующем развитии полемики О.Ф. Миллера и К.И. Невоструева содержит практически не привлекавшаяся в историографии для этих целей переписка Невоструева с представителем ученого духовенства – архиепископом Тверским и Кашинским Саввой (Тихомировым) (1819 – 1896). Письма Невоструева имеют большое значение, так как содержат непосредственное, субъективное видение Невоструевым – носителем «строغو-православных» взглядов – проблемы «политизации» иосифлянства в историографии XIX века. Первые упоминания в переписке о труде Хрущова относятся к 30 сентября 1868 г. В этом письме Невоструев пишет, что работает над рецензией на этот труд, который ему кажется написанным

¹ Хрущов И.П. Отчеты лиц, приготавлиющихся к профессорскому званию в России. Причисленного к министерству народного просвещения Ивана Хрущова // Журнал министерства народного просвещения. – 1866. – Июль. – С. 105

² Хрущов И.П. Очерк жизни и деятельности Д.В. Поленова. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1879. С. 34-35

³ Федорченко В.А. Императорский Дом. Выдающиеся чиновники. Том II. – Красноярск – М.: Бонус – Олма-Пресс, 2003. С. 511-512

«весьма искусно, тонко, с ученою обстановкою», но все эти достоинства лишь подчеркивают главный недостаток – труд был написан «к унижению преподобного и всей древнерусской церкви, против монастырей, против преследования ересей и вольномыслия; там подрываются жития русских святых, дается почти преимущество некоторым раскольничьим мыслям»¹. В этом же письме корреспондент подтверждает, что найденные им недостатки могут даже повредить «личности» Невоструева, так как Хрущов находится под «протекцией» «многих академиков», симпатизирующих его тестю.

В письмах, датированных мартом и ноябрем следующего года, Невоструев продолжает знакомить Савву с перипетиями подготовки своей рецензии, которую он стал называть «Обороной». В частности, он сообщает ценнейшие сведения о том, что именно И.И. Срезневскому, как научному куратору И.П. Хрущова, «принадлежат и взгляды на преподобного, выведшие меня из терпения»²; предчувствие того, что его рецензия вызовет взрыв недовольства в либеральном лагере не покидает автора – если в письме от 27 ноября 1869 г. он только предполагает, что после официальной публикации «Отчета» «надобно ожидать неприятностей от журналов, превозносивших прежде книгу Хрущова»³, то 10 апреля 1870 г. он более определенно заключает о будущих неприятностях – авторы либерального толка, с восторгом принявшие некоторые положения книги И.П. Хрущова, будут «...писать на меня или бросать грязью»⁴. Эти свидетельства показывают, что ученая полемика в начале 1870-х гг. не могла оставаться в узко-корпоративных рамках. Она неизбежно становилась достоянием общественности, которая

¹ Савва, архиепископ Тверской и Кашинский. Хроника моей жизни. Автобиографические записки. Том IV (1868 – 1874). – Сергиева Лавра: Собственная типография, 1902. С. 92

² Савва, архиепископ Тверской и Кашинский. Хроника моей жизни... С. 161

³ Там же. С. 237

⁴ Там же. С. 307

посредством «журналов» могла серьезно повредить не только ученой, но и частной репутации исследователя. Проблема соотношения иосифлянства и нестяжательства все более, как удачно отметил А.И. Плигузов, окрашивалась «в контрастные цвета текущей публицистики», а ее конкретное проявление – полемика на страницах печатных изданий стала проводиться «по всем правилам газетных перепалок»¹. Общественное звучание проблемы начало заглушать ее научное содержание.

Опубликование рецензии К.И. Невоструева разделило ученое сообщество на тех, кто по различным причинам поддержал автора, и тех, кто не принял его точки зрения. Одним из первых с поддержкой Невоструева выступил П.А. Бессонов² (1828 – 1898). Однако его роль в развернувшейся между О.Ф. Миллером и К.И. Невоструевым полемике получила в историографии не совсем точную оценку. Доминирующим остается взгляд Я.С. Лурье, который исходя из верного тезиса о тесном переплетении в пореформенной России идеологии и науки, делает вывод о том, что П.А. Бессонов «вздумал вступить за Иосифа Волоцкого, солидаризуясь при этом

¹ Плигузов А.И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. – М.: Индрик, 2002. С. 31-32

² Научная деятельность П.А. Бессонова и его воззрения на историю русской «словесности» являлись предметом едва ли не большей критики, чем представления О.Ф. Миллера. Бессонов даже становился объектом едкой сатиры на русскую историко-филологическую науку. См.: Из дневника и переписки Ивана Непомнящего // Отечественные записки. – 1874. – № 12. С. 431-432; О восприятии П.А. Бессонова научной общественностью см.: Халанский М.Г. Бессонов Петр Алексеевич // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805 – 1905) / Под ред. М.Г. Халанского и Д.И. Багалея. – Харьков: Издание университета, 1908. С. 128-133

с реакционным профессором Духовной академии К. Невоструевым»¹. Конечно, такая конструкция идеально вписывалась в схему борьбы либеральной точки зрения, сторонники которой «...на Иосифа Волоцкого...смотрели не столько как на церковного деятеля XV в., сколько как на провозвестника современной им самодержавно-клерикальной реакции»² с ее защитниками, которых Лурье называет «охранительным направлением»³. Однако внимательное изучение вопроса о роли П.А. Бессонова в споре К.И. Невоструева и О.Ф. Миллера позволяет дать ей иную оценку.

Были ли у Бессонова идейные мотивы «солидаризоваться» с «реакционным» взглядом К.И. Невоструева? Впервые ученые пути П.А. Бессонова и К.И. Невоструева по-крупному пересеклись в 1856 г., когда Бессонов, автор ярко выраженного славянофильского направления, поместил в журнале «Русская беседа» рецензию на первый том «Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки» (1855), монументального труда А.В. Горского и К.И. Невоструева. В центре его критики оказался предмет прямо связанный с изучением иосифлянства – составление в 1499 г. полного свода библейских книг архиепископом Новгородским Геннадием. Бессонов подверг критике тезис Горского и Невоструева об отсутствии в Древней Руси до работы «геннадиевского кружка» полного переводного текста Библии. Дело Геннадия, в т.ч. перевод некоторых библейских текстов с латыни носил,

¹ Лурье Я.С. К вопросу об идеологии Нила Сорского // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Далее – ТОДРЛ). Т. XIII. – М.; Л., 1957. С. 183

² Лурье Я.С. Вопрос об идеологических движениях конца XV – начала XVI в. в научной литературе // ТОДРЛ. Т. XV. – М.; Л., 1958. С. 134

³ Лурье Я.С. К изучению классового характера древнерусской литературы // ТОДРЛ. Т. XX. – М.; Л., 1964. С. 101

по мнению Бессонова, частный характер, имевший целью обеспечение борьбы архиепископа с ересью жидовствующих.

Однако Бессонову не вполне удастся остаться «в рамках» предмета рецензии – автор дает несколько общих замечаний по характеристике деятельности Геннадия, вызвавшей к жизни собрание 1499 г. Эту деятельность он называет «отрицательной». Дальнейшие размышления Бессонова о борьбе Геннадия с ересью показывают, что автор явно не сочувствовал взглядам Невоструева на этот предмет: борьба с ересью, пишет он, всегда и везде вызвала «поступки лиц и даже обществ, несообразные с целью и достоинством»; на Руси к таким поступкам относится и деятельность архиепископа Геннадия, который действовал с такой «суровостью», которая «...не согласна с характером, воспитанном в Православии»¹. Как видим, позиция Бессонова в этом вопросе диаметрально противоположна воззрениям К.И. Невоструева, но имеет черты сходства с позицией О.Ф. Миллера.

На эту рецензию Невоструев ответил с запозданием в 14 лет, в том же 1870 г., когда явилось в свет мнение Бессонова об отзыве Невоструева. В его «Рассмотрении рецензий...» чувствуется сильное влияние «хрущовского» периода; оно представляет еще одно доказательство того, что бессоновская «заступка» не имеет ничего общего с «заступкой за Иосифа Волоцкого», как пытались представить дело сначала О.Ф. Миллер, а затем Я.С. Лурье. Здесь же следует отметить, что в 1868 г. в письме к архиепископу Макарию (Булгакову) Невоструев упомянул о том, что пишет «статью... в защищение

¹ Бессонов П.А. Описание Славянских рукописей М.С. Библиотеки гг. Горского и Невоструева // Русская беседа. – 1856. – Кн. II. – С. 78

1 тома Свящ. Писания, обнесенного критикой Бессонова»¹. Более чем десять лет спустя, он полагал взгляды Бессонова несправедливыми и ошибочными.

Отзыв Невоструева о рецензии Бессонова стоит на тех же основаниях «обороны» древнерусской церкви, что и его отзыв о книге И.П. Хрущова. Он пишет, что «В древней истории русской церкви лице Геннадия так известно и славно, что отнюдь не нуждается в наших похвалах и не боится порицаний»². Далее рецензент точно так же, как в «хрущовской» рецензии выводит проблему в широкий исторический и даже общественно-идеологический контекст, утверждая, что Бессонов, который «...в оппозиции Геннадию дошел уже до крайности, чтобы не сказать более» «...подвергает унижению и все древнее духовенство русское, черное и белое, и возвышает перед ним народ и общество...»³, объявляя эти идеи следствием разгула либеральной публицистики.

Не ограничившись этой критикой, и, видимо, усмотрев у Бессонова сходное «направление» с Хрущовым, Невоструев связывает взгляды Бессонова на деятельность Геннадия с деятельностью Иосифа Волоцкого, которая, по его мнению, должна была оцениваться Бессоновым в том же ракурсе: «...московский орган православия, преп. Иосиф Волоцкий, сподвижник Геннадия, не более ли даже самого Геннадия гремел и действовал против ереси? Таким образом, на обоих, и на Геннадия и на Иосифа, равно падает упрек рецензента, тогда как церковь и общий голос

¹ [Невоструев К.И.] Письма к почившему в Бозе высокопреосвященному Макарию митрополиту Московскому // Православное обозрение. – 1888. – Т. III. – Ноябрь. С. 478

² Невоструев К.И. Рассмотрение рецензий, явившихся на «Описание рукописей Синодальной библиотеки». – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1870. С. 9

³ Там же. С. 24

восхваляют обоих за сей преимущественно подвиг против жидовствующих»¹. В завершении разбора следует еще один знаковый «невострюевский» вывод – автор осуждает Бессонова за безусловный вред его работы, проявившийся в том, что он «Бросает...в...общество, и без того предубежденное против церкви, такие воспаляющие его идеи, какова...о безрассудстве и вреде преследования ереси и...о преимуществе общества пред церковью в деле религиозного образования народа»².

Исходя из этого краткого обзора обстоятельств, предшествующих появлению печатной поддержки Бессонова позиции Невоструева, мы можем с основанием утверждать, что она не опиралась ни на научные, ни, тем более, на идейные основания. В чем же Бессонов поддержал своего оппонента? Он выступил против начавшейся кампании против Невоструева с призывом уважать мнение и взгляды рецензента, в то же время не присоединяясь к этим взглядам. Речь идет не об истинности или ложности взглядов Невоструева на историческую роль Иосифа Волоцкого и иосифлянства, а об этике научной дискуссии. Бессонов обращается к недовольным решением Невоструева: «Чего...вы можете требовать и даже ожидать от г. Невоструева, келейного труженика, отдавшего жизнь и силы своей науке, среди славянских рукописей, священных текстов, богослужебных книг или церковной истории, умевшего в своем уединении возвыситься из сферы кропотливого труда до замечательного творчества мысли, вкусившего этой свободы знания и его освобождающей силы, никакой внешности не ищущего, не связанного расчетами звания, места, чина, степени, дохода, премии, какого угодно журнала...»³. В рецензии Невоструева Бессонов увидел «нравственный

¹ Невоструев К.И. Рассмотрение рецензий... С. 54

² Там же

³ Бессонов П.А. Песни собранные П.В. Киреевским. Выпуск 8. – М.: Типография П. Бахметева, 1870. С. СIV

подвиг», «не склонившегося на частные инсинуации»¹ ученого, оставшегося верным своим личным мировоззренческим установкам.

Призыв Бессонова к уважению взглядов научного оппонента, однако, услышан не был. Роль основного критика К.И. Невоструева взял на себя О.Ф. Миллер, опубликовавший в октябре 1870 г. статью с «говорящим» названием «Инквизиторские вождедения ученого». В этой работе Миллер отношение к сожжению еретиков в 1504 г. сделал мерилom моральной чистоплотности человека. Миллер окончательно вывел полемику за рамки научной дискуссии и, по сути, превратил ее в перебранку; в статье говорится не столько об иосифлянстве, сколько об отношениях внутри ученой корпорации: П.А. Бессонову² он пишет «...пусть г. Бессонов откажется от всяких связей со славянофилами, пусть перестанет хвалиться тем, что созрел под их умственным кровом», ведь «...православие славянофилов и православие

¹ Там же. С. CV

² Чтобы представлять динамику взаимоотношений в треугольнике «К.И. Невоструев – О.Ф. Миллер – П.А. Бессонов», следует учитывать специфический характер отношений, сложившийся между последними двумя его представителями. О.Ф. Миллер и П.А. Бессонов были яростными оппонентами в вопросе о путях развития древнерусской «словесности» в широком значении этого слова. В 1871 г. в предисловии к изданию «Белорусских песен» П.А. Бессонов даже упрекнул своего оппонента в каком-то «хроническом» плагиате: «...заподозривая труды наши и не терпя наших выводов, он (Миллер – Д.В.) однако так ревностно последует за нами по пятам, что держится самого словоупотребления, технически введенного нами, и до таких мелочей, что шрифт, формат, обертка его собственных изданий порою повторяет собою наши предыдущие». См.: Бессонов П.А. Белорусские песни. – М.: В типографии Бахметева, 1871. С. LXXX

таких изуверов, как г. Невоструев, – не только не одно и то же, но даже представляют стороны, прямо противоположные»¹.

Отличительной особенностью полемики между Невоструевым и Миллером было осознание ими коренного различия между типами их мировоззрения, определяющего отношение к научной проблеме. Это осознание приводило как к попыткам «реконструировать» мировоззрение соперника, путем доведения его до абсурда, так и попыткам определить основные черты своего мировоззрения: «...в чем же наконец заключается это богопротивное и бесоугодное направление, могущее навлечь епитимию как на самого г. Хрущева, так и на соблазненных им?», – восклицает Миллер. И сам же отвечает: «В том, что все мы трое относимся без особенного сочувствия к сожжению еретиков и считаем усердное ратование за эту меру Иосифа Волоцкого и Геннадия Новгородского временным уклонением от господствующего духа нашей церкви»². Так либеральное мировоззрение автора, основываясь на единой концептуальной связке прошлого и настоящего, определяет его научные взгляды. В рамках научной дискуссии, таким образом, О.Ф. Миллер не удержался. Позиция Невоструева настолько вывела его из себя, что он вынужден прибегнуть к настоящему шельмованию своего оппонента. Чего стоит, например, такая характеристика Невоструева (к этому моменту члену-корреспонденту Академии наук): «не только диковинный археолог, но и сама археологическая диковина, наш, по образу мыслей своих, так сказать, ископаемый современник»³?

О том, что вопрос об оценке отношения древнерусской церкви к еретическим течениям был для Миллера принципиальным, мы можем судить по его письму к А.А. Котляревскому, в котором он резко сформулировал

¹ Миллер О.Ф. Инквизиторские вождения ученого (Посвящается профессору Невоструеву) // Заря. – 1870. – № 10. С. 304

² Там же. С. 295

³ Там же. С. 299

свои воззрения: «дело не в личности Невоструева, а в принципе. Хотя я, разумеется, совершенно уверен в том, что жечь мы уже не станем, но трудно, согласитесь, не видеть, что число приверженцев насилования совести в широком смысле этого слова у нас еще очень и очень велико»¹. Несомненно, что такую постановку проблемы можно считать своеобразным «манифестом» либерализма в церковно-исторической науке. Из этого же письма мы узнаем, что «Отзыв» сослужил-таки Невоструеву, как он и предполагал, дурную службу – его стали считать «фанатиком»².

В свою очередь, К.И. Невоструев считал себя оскорбленным подобной выходкой Миллера. 26 декабря 1870 г. он писал архиепископу Савве, что Миллер «Навязывая мне мысли, коих я вовсе не имел...извращая смысл написанного мною...дурачит меня перед публикою и издевается площадным образом»³, что вызвало у него желание опубликовать ответ Миллеру, попирающему «истину Христову» в том же журнале. Однако в 1872 г. журнал был закрыт, и в том же году Невоструев скончался.

Описанный конфликт показывает специфику развития церковно-исторического знания в пореформенную эпоху конца 1860-х гг. Обе стороны конфликта, помещали свои рассуждения в широкий общественно-политический контекст, внося в познание истории сильный оценочный элемент, модернизируя исторический процесс, и превращая его в арену борьбы политических идеологий, а не ученых мнений. На примере этого конфликта ясно просматривается вскрывшееся противоречие между методологическими установками церковного историка К.И. Невоструева, полагавшего само обсуждение «на публике» исторического предания церкви

¹ Цит. по: Пыпин А.Н. Очерк биографии проф. А.А. Котляревского // Сочинения А.А. Котляревского. Том IV. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1895. С. ХСІ

² Там же

³ Савва, архиепископ Тверской и Кашинский. Хроника моей жизни... С. 407

проявлением неблагонадежности, и острополемического настроения О.Ф. Миллера, который увидел в оценке исторического прошлого русской церкви инструмент критики «реакционных» идей, лежащих в основе тех или иных явлений русской жизни XIX века. Автор же монографии, вызвавшей к жизни столь бурное обсуждение, ищет поддержки у влиятельных родственников и коллег по ученой корпорации. Эти явления отлично вписываются в экстерналистское видение развития научного знания, однако следует отметить, что «внешние» факторы, обусловившие развитие данного конфликта, были следствием глобальных процессов трансформации церковно-исторической науки, умноженных на публицистический бум 1860 – 1870-х гг., в которых исторические проблемы зачастую находились в том или ином рецептивном поле.

Гурьев В.И. Становление московской сыскной полиции.

К сожалению, преступления и преступники являются частью существования человеческого общества. Ответом общества на преступные действия всегда являлась и является борьба с ними.

В начале человеческой истории, когда люди жили в небольших поселениях, поиску преступников значительно способствовало то, что все жители знали друг друга. Обитателям небольших поселений, где одни и те же люди жили обычно всю свою жизнь, были хорошо известны привычки соседей, а также их имущество. В этих условиях присвоить (путем грабежа или кражи) чужие вещи так, чтобы об этом не узнали соседи, было невозможно, что делало кражи и ограбления во многом бессмысленными. Недаром в древнейшем своде законов, Законах Хаммурапи, сказано, что в случае совершения ограбления преступника следует схватить и казнить. А если он не был схвачен, то местная община и её староста должны возместить пострадавшему ущерб¹. Это говорит о том, что они должны нести

ответственность за преступление, так как наверняка знают всех местных грабителей, и могут назвать имя преступника. Если же этого не происходит, то община возмещает ущерб.

С развитием человечества, вследствие роста городов и мобильности населения, количество преступлений увеличивается. В Новое время старые методы обнаружения преступников все чаще подводят и существующие органы правопорядка уже не справляются с поставленными задачами.

Возникает нужда уже не просто в органах правопорядка, но в специальных структурах, которые будут профессионально бороться с определенными категориями преступлений и людьми, которые их совершают.

Пионером здесь выступила Франция, имеющая серьезные традиции в работе полиции и секретных служб. В 1810 г. в Париже было создано новое подразделение полиции, получившая название Сюрте (в переводе «безопасность»). Это была первая в мире полицейская служба, которая занималась не охраной порядка вообще или борьбой с политическими противниками режима. Впервые в мире было сформировано подразделение полиции, задачей которой была борьба исключительно с уголовными преступлениями.

Первым руководителем и организатором Сюрте становится Эжен Франсуа Видок, бывший профессиональный преступник. Своих сотрудников он также набирал из числа бывших преступников, прекрасно знакомых, как и он сам, с методами и обычаями своих бывших коллег. За первый год своего существования 20 сотрудников Сюрте арестовали 812 человек². Позднее Видок создал первое в мире частное детективное агентство.

В другой европейской стране, Англии, функции сыщиков долгое время выполняли так называемые «ловцы воров», работавшие как частные лица. Нередко они давали преступникам возможность откупиться от них. Иногда они сами становились организаторами преступлений. Наиболее известным из

них стал Джонатан Уайлд, отправивший на виселицу сотни преступников. Но в отношении тех из них, кто готов был ему подчиняться и платить дань, он выступал скорее как руководитель и организатор преступлений. В результате своей деятельности он заработал крупное состояние и пользовался огромным влиянием в преступном мире. В конце концов, этот предшественник мафиозных боссов кончил свою жизнь на виселице. Только в 1842 г. в Англии возник уголовный розыск. Первоначально он располагался в здании, которое называлось Скотланд-Ярд (что означает Шотландский двор)³. Вскоре так стали называть и саму службу.

В России развитие полиции шло примерно по тому же сценарию, что и в других европейских странах, хотя и с определенным запозданием. Специальной уголовной полиции долгое время не существовало.

В условиях крепостного права большая часть населения (крепостные) находилась под жёстким контролем их владельцев. Кроме всего прочего, по закону владельцы в отношении крепостных выполняли задачи полиции, т.е. следили за их поведением и, в случае надобности, наказывали по своему усмотрению. Это касалось не только крестьян, но и некоторых жителей городов (дворян, отпущенная на заработки).

Свободное от крепостной зависимости население в основном проживало в немногочисленных (за редким исключением) городах. Эта часть населения также находилось под строгим контролем властей благодаря системе цехов, гильдий и других сословных организаций.

В этих условиях с поддержанием порядка в целом справлялась обычная полиция. При необходимости она использовала агентов и провокаторов из преступного мира. Наиболее известным из них был действовавший в Москве Ванька Каин, практический полный аналог англичанина Уайлда. В этих условиях острой необходимости в сыскной полиции не было.

В основном дознание проводили в местных участках обычные сотрудники полиции (будочники, квартальные, комиссары). Виновных в

мелких правонарушений наказывали оплеухами тут же, на месте, согласно решению местного полицейского начальника (квартального поручика или комиссара). Более серьезным наказанием были розги, которыми секли уже в участке.

Мелких карманников будочники хватали, рисовали им на спине круг с крестом и приказывали в течении дня подметать улицу в том месте, где они попались. Возможно, при этом преследовалась цель обнаружить и других пострадавших. Вечером их отводили в часть, где они ночевали в камере. На следующий день они подметали улицу уже около казённых учреждений, всё так же с отметиной на одежде. Эти работы обычно сопровождалась насмешками и издевательствами со стороны прохожих. Вечером преступников заносили в списки воров и отпускали по домам⁴.

Дознание по более серьезным делам обычно заключалось в аресте подозрительных лиц. Подозреваемых определяли либо сами полицейские, либо их называли агенты, завербованные среди местного населения. Последние нередко сотрудничали с полицией, преследуя свои цели: в обмен на их услуги стражи порядка закрывали глаза на правонарушения самих осведомителей.

После ареста, как правило, следовало избивание подозреваемых для получения признания. Избиение было настолько привычно, что допросы без применения мордобития иногда вызывали недовольство со стороны обвиняемых, подозревавших в этом некое изощренное коварство⁵.

В существовавших тогда условиях эта достаточно примитивная схема работы полиции являлась жизнеспособной, так как местные полицейские обычно хорошо знали местных жителей и их привычки.

Для раскрытия серьезных преступлений существовали и сыщики, т.е. люди, специализировавшиеся на раскрытии серьезных преступлений. Они обычно не занимали специальных постов, а служили как обычные

сотрудники полиции. Просто в случае серьёзного преступления их приглашали как специалистов.

Так, Михаил Иванович Калинин, служивший в 1866-1882 гг. приставом в Московской полиции, судя по его личному делу, не раз занимался борьбой с фальшивомонетчиками и, видимо, считался специалистом по борьбе с ними⁶. Также были известны приставы Поляков, Шидловский, Хотинский⁷.

Кроме того, при полицмейстере состояли специальные чиновники для поручений, иногда специализировавшиеся на раскрытии преступлений.

Наиболее известным среди них был Гаврило Яковлевич Яковлев. Происходивший из военных кантонистов, Яковлев занимал должность следственного пристава и являлся, можно сказать, классическим сыщиком своего времени. Яковлев славился своим умением и проницательностью, он не раз с успехом выезжал в другие города для ведения наиболее сложных дел. В своей работе он весьма активно использовал избивание подозреваемых лиц, и имел среди них мрачную славу. Нередко одной угрозы отправить подозреваемого к Яковлеву было достаточно для получения признания. Возможно, этот сыщик имел в своем характере садистские наклонности. Кроме прочего, сыщик опирался на довольно многочисленную агентуру. Содержал он её, так же как письмоводителя и нескольких помощников, за свой счёт. Многие его агенты сами были преступниками, сдававшими своих товарищей в обмен на защиту со стороны Яковлева. Сам Яковлев славился тем, что нередко вступал в сговор с преступниками с целью обвинить невинного, но состоятельного человека, в воровстве или покупке краденого, чтобы затем вымогать у него деньги. Как и другие сыщики того времени, он лично проникал в различные притоны, несколько раз был там опознан и избит⁸.

Таким образом, система розыска преступников в дореформенной России фактически отсутствовала. Розыском преступников занимались отдельные чиновники полиции, занимавшие должности приставов или специальных

приставов. При этом они опирались на своих личных сотрудников и агентов, содержание которым они платили из собственных средств, а не на организованный аппарат сыскной полиции.

В своей деятельности тогдашние сыщики нередко использовали избиение подозреваемых, сотрудничество с преступниками, не гнушались вымогательством.

Великие реформы 60-70 гг. привели к колоссальным изменениям в российском обществе. Естественно, что это отразилось и на полиции. Освобождение крестьян означало ослабление контроля над большей частью населения страны. Поле деятельности полиции значительно выросло.

Судебная реформа привела к отмене полицейского суда, сократив полномочия полиции и заставив её приспособливаться к совместным действиям с представителями судебной власти.

Городская реформа привела к возникновению нового центра власти, который имел на полицию определенное влияние, поскольку финансирование полиции было отныне возложено на местные органы власти. Правда все распоряжения о действиях полиции, назначениях, поощрениях и наказаниях её сотрудников по-прежнему отдавали назначенные из центра руководители полиции.

Военная реформа, отменившая систему двадцатипятилетней солдатской службы, на основе которой формировался рядовой состав полиции, заставила перейти к системе найма сотрудников.

В целом все эти реформы привели к развитию промышленности и торговли, что означало значительный рост численности городского населения. Частью экономического развития России стало и колоссальное увеличение числа железных и шоссейных дорог, что привело к резкому повышению мобильности населения.

Рост городского населения и повышение его мобильности вызывали ослабление контроля над населением со стороны власти. Естественно, что

этим пользовались преступники. В многолюдном городе, где контроль властей был слабее, чем раньше, преступнику было намного проще находить новых жертв, скрываться после совершения преступления. Скупщикам краденого и содержателям притонов также было легче скрывать свою деятельность от полиции.

Ответом на все эти явления стали значительные изменения в организации полиции, в том числе создание уголовного розыска. Законом, определившим новую организацию московской полиции, стало «Положение о московской полиции»⁹. В нём впервые было узаконено существование специальной сыскной части при Обер-Полицмейстере.

Впрочем, выражено это было весьма лаконично. Параграф №25 «Положения» гласил: «Начальник сыскной полиции и чиновники при нём состоящие находятся в полном распоряжении Обер-Полицмейстера».

Информацию об организации сыскной полиции того времени мы также можем найти во «Временных штатах Московской полиции»¹⁰, изданных в качестве дополнения к «Положению о московской полиции» (Как это часто бывает, «временные» штаты действовали 42 года). В штатах был указан и состав сыскной части управления обер-полицмейстера московской полиции.

Согласно этому документу, в сыскной части должны были служить: начальник сыскной полиции, двое чиновников, двенадцать надзирателей, делопроизводитель и его помощник. Кроме того, было выделено 3 тыс. руб. для найма писцов и 20 тыс. руб. на экстренные расходы (ежегодно).

Интересно заметить, что не были прописаны задачи сыскной полиции: должна ли она заниматься уголовными преступлениями или политическими, или, к примеру, служить аналогом отдела внутренних расследований – всё это отдавалось на усмотрение обер-полицмейстера.

Первый документ, который описывает реальный состав сыскной части, носит название «Список чинов Управления московской сыскной полиции»¹¹ и представляет несомненный интерес.

К сожалению, документ не имеет даты, поэтому о времени его появления мы можем судить только приблизительно.

В упомянутом списке указано время начала службы перечисляемых лиц. Наиболее логично предположить, что это время начала службы именно в Управлении. Предположение, что указано время начала службы в целом, выглядит маловероятным. Ведь сотрудники указывают в качестве начала службы самое раннее 1881 г., в то время некоторые сотрудники имеют довольно высокие чины (см. ниже), а также среди них есть целый ряд отставных лиц (унтер-офицеры, юнкер, коллежский регистратор). Учитывая относительно короткий срок, совершенно невероятно, что эти лица успели получить эти чины за столь короткое время.

Последним годом, указанным как время поступления на службу, был 1885 г. Следовательно, документ составлен позднее этой даты.

С другой стороны, маловероятно, что из 25 сотрудников управления ни один не уволился или не перешёл на другое место службы в течение значительного промежутка времени.

Поэтому, с большой долей вероятности, можно предположить, что этот список был составлен в течение одного-двух лет после этой даты, т.е. скорее всего в период с 1885 по 1887 гг.

Следовательно, мы можем считать, что данный документ отражает реальное состояние дел в Управлении московской сыскной полиции в середине 80-х гг. девятнадцатого века.

Вначале можно отметить, что данная структура носит название Управление московской сыскной полиции, хотя в соответствии с «Положением» она должна именоваться сыскное отделение.

Также привлекает внимание тот факт, что из 25 сотрудников 9 человек служат в Управлении с 1881 г., причём семеро с июля этого года. В двух случаях точно указана дата – 11 июля 1881 г. Следовательно, мы можем

предположить, что данное Управление было фактически сформировано 11 июля 1881 г., спустя примерно два месяца после издания нового закона.

Обращает на себя внимание довольно высокий уровень чинов некоторых сотрудников Управления. Так, начальник Управления имеет звание подполковника, чиновником для особых поручений служит титулярный советник Д.Ф. Николас, помощником делопроизводителя надворный советник П.В. Чистяков.

С другой стороны, многие сотрудники Управления вообще не имели чинов или же имели чины очень небольшого уровня. К примеру, делопроизводителем является дворянин М.М. Кнешинский, скорее всего не имеющий чина. Среди штатных надзирателей один был унтер-офицером, его коллега был указан как дворянин (вероятно, также не имевший чинов, так как чин было принято отмечать).

Можно отметить и серьезные различия по чинам и сословной принадлежности – начальник Управления и чиновник для поручений имеют высокие чины, среди штатных надзирателей двое указаны как дворяне. Тогда как среди вольнонаемных надзирателей (чей статус был ниже) двое мещан, двое отставных унтер-офицеров (один из штатных надзирателей тоже унтер-офицер, но в его описании специально указано, что он дворянин, чего нет у вольнонаемных), один потомственный почётный гражданин и один отставной коллежский регистратор.

Среди писцов мы видим еще большее разнообразие: двое цеховых, двое мещан, сын артиста, отставные коллежский секретарь и юнкер. А вот среди полицейских служителей, выполнявших функции обслуживающего персонала, напротив, все более или менее единообразно – все они бывшие военные, среди которых трое рядовых и один унтер-офицер.

Кроме указанных сотрудников, в Управлении служили ещё четверо полицейских служителей и, разумеется, начальник Управления, подполковник Пуркасов. Анализируя эти данные, весьма интересно сравнить

закон (т.е. Положение) и реальное положение дел (Список). При сравнении мы можем отметить целый ряд разногласий. Выше уже говорилось о том, что само существование Управления не было прописано в законе.

Обращает на себя внимание то, что вместо положенных по закону двенадцати штатных полицейских надзирателей, их всего трое. И, даже если считать с вольнонаёмными, их девять человек. Кстати говоря, характерное для сыскной полиции в дальнейшем разделение на штатных и вольнонаемных полицейских надзирателей существовало уже тогда.

Вместо двух чиновников для особых поручений мы имеем всего одного. В целом мы можем констатировать явный некомплект сотрудников. Кроме того, один из надзирателей, А. Торгиевский, заведует адресным столом, хотя по «Положению» адресный стол был отдельной структурой со своим штатом.

Обращает на себя внимание и большое количество писцов (8 человек). На девяти оперативных сотрудников (восемь надзирателей и один чиновник для особых поручений, обычно руководивший розыском) мы имеем одиннадцать канцелярских служащих (делопроизводитель, его помощник, начальник адресного стола (имеющий статус полицейского надзирателя) и вышеупомянутые писцы). Т.е. сотрудники канцелярии составляли более многочисленную группу (44%) по сравнению с собственно сыщиками (36%).

Можно предположить, что часть писцов служила в адресном столе. Вполне вероятно, что слияние сыскной части и адресного стола привело к появлению Управления.

Соотношение канцелярских и оперативных сотрудников позволяет сделать вывод, что на тот момент сыскная полиция являлась в большей степени административным учреждением, в основном занимавшимся составлением документов, а не розыском преступников.

При этом, согласно Положению, кроме писцов и служителей (которые не числились в штате, хотя на их содержание выделялись деньги), в сыскной

части должно было служить семнадцать человек, а в адресном столе трое. Т.е. должны были быть заполнены двадцать вакансий.

На практике мы видим всего лишь тринадцать человек, занимающих штатные должности, т.е. уровень укомплектованности сыскной полиции на тот момент был весьма низок. Косвенно это может свидетельствовать о низком статусе данной структуры среди прочих подразделений Управления московского обер-полицмейстера.

В целом, мы можем сказать, что в начале своей деятельности сыскная полиция имела высокий уровень неуккомплектованности, в первую очередь оперативными сотрудниками, выполняла скорее административные функции и имела низкий статус. Со временем ситуация стала изменяться в лучшую сторону.

В конце XIX в. положение сыскной полиции стало более стабильным. В 1898 г.¹² мы видим, что адресный стол уже отделен от сыскной полиции, обе вакансии чиновников сыскной полиции заняты. То же самое касается вакансий делопроизводителя и его помощника. Позднее был создан полицейский архив и даже музей. К началу 1900-х гг. сформировалась достаточно чёткая структура московской сыскной полиции.

Создается определенная структура организации розыска подозреваемых и система их идентификации. Внутри самой организации налаживаются определённые традиции. Фактически именно начиная с этого периода, мы можем говорить о том, что московская сыскная полиция становится пусть и неидеальным, но вполне сформировавшимся учреждением с отлаженными методами работы.

О них хорошо написал один из её многолетних сотрудников, - заместитель начальника сыскной полиции Евстафий Дещинский «Деятельность Сыскной Полиции заключается в розыске лиц, совершивших преступление, и похищенного ими имущества не только в Москве, но и в

других местностях, если дознанием будет установлено, что преступники скрылись в известный город и уезд.

В этом случае командировались в те места агенты СП, то же делается и для розыска похищенного имущества. Давно служащие в СП знают притоны воров и места сбыта краденого. Некоторые преступления раскрываются очень скоро, а некоторые по прошествии известного времени. В Сыскную Полицию поступают требования о розыске лиц, совершивших преступления, от судебных учреждений как города Москвы, так и других городов. Наружная полиция о всяком совершённом преступлении сообщает Сыскной Полиции, и эти сведения поручаются чиновникам Сыскной Полиции, которые и производят дознание и розыски через подведомственных им агентов»¹³. К этому можно добавить ещё и то, что потерпевшие могли напрямую обратиться в московскую сыскную полицию.

Таким образом, получив сообщение о преступлении либо от обычной, как тогда говорили, наружной полиции, либо от судебных органов власти (например, от прокурора или судебного следователя), или заявление от самого потерпевшего, сыскная полиция заводила дело. Начальник сыскной полиции отдавал это дело тому или иному чиновнику сыскной полиции по своему усмотрению.

Чиновник сыскной полиции, или, как иногда писали в документах, чиновник для особых поручений сыскной полиции, собственно и руководил расследованием конкретного дела. Каждый чиновник руководил отделением полицейских надзирателей (как тогда часто говорили, партией), которая называлась по имени своего руководителя. Кроме того, он мог иметь собственных осведомителей.

Количество отделений, судя по документам, колебалось в зависимости от количества чиновников, от трёх до пяти. Что касается количества сотрудников в целом, то штаты 1881 г. были не только полностью укомплектованы, но и превышены.

В 1907 г. в московской сыскной полиции служило четверо чиновников для поручений, 60 надзирателей, делопроизводитель и двое его помощников, журналист (чиновник, ведущий журнал) и фотограф¹⁴.

Но это уже было после 1 июля 1906 г., когда был утверждён новый штат сыскной полиции и её состав вырос больше чем на тридцать человек¹⁵. Таким образом, в начале XX в. численность Московской сыскной полиции мы можем примерно определить в 40 человек.

Московские сыщики занимались розыском путём сбора сведений: как по горячим следам, так и путём проверки мест продажи краденого и традиционных мест сбора криминальных элементов. Специального образования они не имели. Как и раньше, многое тут зависело от знаний и инициативности конкретного сотрудника полиции.

Карьеры чиновников сыскной полиции складывались по-разному. Чаще всего они предварительно служили в обычной полиции, затем, вероятно проявив себя как способные к розыску лица, они переводились в сыскную полицию.

Так, вышеупомянутый Евстафий Дещинский начинал свою службу в полиции как помощник пристава. Скорее всего, как большинство приставов и их помощников, до этого он служил армейским офицером или статским чиновником. После шестилетней службы в должности помощника пристава он перешёл на службу в сыскную полицию, на должность чиновника. Здесь он руководил отрядом полицейских надзирателей. Позднее он стал помощником начальника резерва московской полиции. А затем перешёл на должность помощника начальника сыскной полиции.¹⁶

Свои обязанности помощника начальника полиции он описывал следующим образом: «На моей обязанности лежит рассматривать входящую почту и положить соответствующую резолюцию и подписать исходящие бумаги и телеграммы. Исполнение личных поручений Начальника Сыскной Полиции. Если совершена большая кража или вооруженный грабеж, я всегда

являюсь на место преступления. Веду наряд Полицейских Надзирателей и агентов.»¹⁷

Ещё одним чиновником, пользовавшимся большим авторитетом и известностью в Москве, был В.С. Стефанов. Как и Дещинский, он начинал службу в наружной полиции. Но служил околоточным надзирателем. В этой должности он прослужил с 1 января 1890 по 27 января 1903 г. За это время получил 40 благодарностей и 6 высочайших наград (четыре серебряные медали и пару часов с цепочкой).

Затем перешёл на службу в сыскную полицию, где зарекомендовал себя с лучшей стороны. 23 марта 1906 г. был назначен исполняющим должность чиновника высшего оклада. Обладал огромным авторитетом в полиции, прокуратуре и среди граждан. Получил Орден Св. Станислава 3 ст. Как написал читавший его личное дело ревизор: «Вообще дело о службе есть сплошной панегирик его служебной деятельности»¹⁸.

Его коллега, Василий Кайних, сделал более обычную карьеру. Он служил в Московской полиции с 1891 г., вначале как агент (вольнонаемный полицейский надзиратель), затем как штатный полицейский надзиратель. С 1906 г. получил повышение и занимал должность чиновника полиции. Таким образом, мы видим, что сыскная полиция начинает создавать уже свои кадры, делающие карьеру именно здесь, проходя служебную лестницу снизу доверху¹⁹.

Практически все чиновники московской сыскной полиции в начале века имели за плечами многолетнюю службу в полиции, нередко именно в сыскной полиции. Также обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от наружной полиции, где подавляющее большинство руководителей среднего звена (приставы и их помощники) ранее в полиции не служили²⁰, многие чиновники сыскной полиции начинали свою карьеру с низших должностей, а затем постепенно поднимались по карьерной лестнице. Это

означало, что практически все чиновники данного учреждения имели значительный опыт службы как в обычной, так и сыскной полиции.

Говоря о сотрудниках полиции, не стоит забывать и о рядовых сотрудниках полиции, носивших звание полицейских надзирателей. Именно они, по поручению своих руководителей, занимались текущей работой.

Как и раньше, они делились на полицейских надзирателей, состоящих в штате московской сыскной полиции, и вольнонаемных. Состоящие в штате получали звание полицейского надзирателя, имели соответствующее жалование (300 р.). Участвовали в различных мероприятиях по розыску, действовали как сыщики.

Некоторые из них начинали свою карьеру как городовые. В списке личного состава это отмечено для 8,6% процентов сотрудников полиции²¹. Были такие, которые служили в полиции десятилетиями.

Так, Алексей Рабинович служил в полиции тридцать лет, с 1878 по 1908 гг. На восемнадцатилетние свой службы в полиции он получил звание почётного гражданина.

Вольнонаемные надзиратели занимались той же деятельностью, что и штатные. Но при этом не состояли в штате полиции, среди них могли быть и женщины.

Их часто называли агенты, даже в официальных документах, что вело к определенной путанице. Часть из них (разумеется, мужчины) числилась в московской полиции как городовые, прикрепленные к московской сыскной полиции. Они могли рассчитывать на то, что в дальнейшем смогут сделать карьеру в сыскной полиции, став штатными полицейскими надзирателями. Со временем полицейские надзиратели могли занять должности чиновников сыскной полиции.

Другие агенты являлась осведомителями полиции. Интересно отметить, что в качестве оплаты они обычно получали не деньги, а помощь в устройстве на выгодную работу или службу.

О деятельности сыскной полиции может дать представление список дел, которые расследовались в 1906 г.

Таблица №1 Список дел московской сыскной полиции за 1906 г²².

Преступление	Количество
Вооруженное нападение	11
Вооруженное ограбление	22
Грабеж	2
Ограбление	52
Покушение на ограбление	9
Нападение	1
Нанесение ран ночному сторожу	1
Задержание по сомнение личности и конфискация оружия и взрывчатых веществ	1
Убийство	1
задержание шайки грабителей	
задержание шайки грабителей и конфискация револьвера и бомбы	1
вооруженное нападение и убийство	1
Итого	102

Конечно, этот список не совсем типичен для мирного времени, когда в обществе не происходит серьезных потрясений.

Во-первых, речь идет о Москве в годы революции, когда количество оружия и уровень преступности безусловно должен был возрасти в условиях ослабления власти. Ведь на действия полиции влияло и

привлечение ее сотрудников к борьбе с политическими противниками режима, и угрозы убийства в адрес чинов полиции, нередко воплощавшиеся в жизнь революционерами.

Во-вторых, эти данные касались периода руководства сыскной полицией Д.П. Моисеенко. В это время многие дела о кражах, особенно мелких, не фиксировались. Хотя под мелкими в этот период могли подразумеваться и кражи на суммы в 200-300 и даже до 700 руб.

Тем не менее, мы можем рассматривать эти данные как пример работы сотрудников полиции, учитывая особенности данного периода. Важно отметить, что именно в конце XIX и начале XXвв. в московской полиции складываются свои специализированные службы, т.е. поиск преступников постепенно становится системой.

Налаживается и система идентификации подозреваемых лиц. Многие подозреваемые, особенно рецидивисты, находящиеся в розыске или те, кто не хотел привлечь внимание полиции к своим занятиям, нередко назывались фальшивыми фамилиями. Этому способствовало то, что в тогдашних паспортах отсутствовали фотокарточки.

С этой проблемой должна была справляться канцелярия сыскной полиции. Канцелярия делилась на столы (аналог отделов). В канцелярии сыскной полиции существовало три стола. Два стола (делопроизводителя и его помощника) выполняли всю канцелярскую работу московской сыскной полиции.

Третьим был стол приводов. Именно здесь проходила идентификация всех задержанных и доставленных в сыскную полицию. Разумеется, многие из них называли свое имя, фамилию, место проживания. Другие задержанные, чаще всего рецидивисты, чьи данные уже находились в архиве полиции, также проходили через стол приводов достаточно быстро.

Тем не менее, оставались лица, либо не имевшие желания называть себя или не имеющие возможности подтвердить свои слова. А также задержанные по обвинению в совершении серьезных преступлений. Последних надо было идентифицировать в обязательном порядке.

Как известно, первая система идентификации, основанная на системе антропометрических измерений, была предложена Альфоном Бертильоном, и с 1881 г.²³ была введена в Париже, а с 1888 г. на территории всей Франции.

Позднее она была принята и в других европейских странах. Основу ее составляло измерение размеров человеческого тела по 27 параметрам, включая поперечное и продольное сечение человеческого черепа, размер грудной клетки и т.д. Слабостью этой системы была большое количество измерений, которое можно было проделать только при наличии специального оборудования. А главное, она требовала огромной аккуратности от лиц, проводящих измерения.

В России она была введена в 1890 г.²⁴. К сожалению, мы пока не имеем точных данных, в каком году она была введена в московской сыскной полиции фактически.

Признанным специалистом, работавшим по этой системе, был полицейский надзиратель Иван Егорович Бояр, руководивший столом приводов. Служивший на этой посту с 1899 г.²⁵, он проработал в должности заведывающего стола приводов, где собственно говоря и производились антропометрические измерения, вплоть до революции 1917 г. Небольшого роста, полный и довольно угрюмый в обычной жизни, он был настоящим фанатиком своего дела. Для него возможность изобличить скрывающего свою фамилию преступника было своего рода охотой. Кроме использования двух регистров (списков по алфавиту) для определения статуса подозреваемых он использовал свой огромный опыт, нередко на глаз устанавливая профессию и социальное положение

человека. Подозреваемых попроще нередко запугивали разнообразными циркулями, линейками и прочими приборами для измерения тела, рассказывая о них как о пыточных инструментах. Могли пообещать глаза на циркуль натянуть, выколоть циркулем глаза и т.д. Если же на подозреваемого эти методы не производили впечатления, а выяснить его личность по картотеке не удавалось, Иван Егорович искренне переживал, становился мрачен, говоря, что все эти измерения ерунда, а вот всыпать бы подозреваемому плетей и тогда...

При молчаливом согласии начальства он мог применить и физическое насилие. Впрочем, судя по документам, закрывал глаза на такие действия только один начальник сыскной полиции, Д.П. Моисеенко.²⁶

Позднее И.Е. Бояр перешел на работу в ЧК, где, по словам Кошко А.Ф., преемника Моисеенко на посту начальника сыскной полиции, «совсем опрохвостился и рьяно служит большевистским чека, изоцряясь в своем искусстве уже не над уголовным элементом, а над нашим братом»²⁷.

Позднее, с 29 декабря 1906 г., циркулярным распоряжением Министерства Внутренних Дел по Департаменту Полиции была введена дактилоскопия, т.е. известная всем нам система опознания по отпечаткам пальцев. Она была заимствована из Англии, где ее ввели с 1900 г.²⁸.

Кроме антропометрических, а позднее и дактилоскопических измерений в полиции делали и фотографические снимки подозреваемых. Этим руководил еще один многолетний сотрудник полиции, фотограф В.И. фон Мегден.

Он работал очень долго, приступив к работе в качестве фотографа полиции в 1883 г. Так что мы можем сказать, что фотографирование преступников было налажено в Московской сыскной полиции не позднее этого года.

Кстати говоря, должности фотографа в штатном расписании не существовало. Поэтому В.И. фон Мегден был зачислен на должность полицейского надзирателя и получал 900 р. жалования и 300 р. разъездных. (Обычные полицейские надзиратели получали после 1905 г. 600 рублей).

Надо сказать, что В.И. фон Мегден относился к своей работе творчески и мог долгое время работать с интересным делом, например, выявляя затертые номера с помощью фотографирования.²⁹

В целом измерительное и справочное отделение были налажены достаточно успешно. Особую роль в налаживании этого порядка сыграл начальник сыскной полиции Лебедев.

Именно он наладил четкую работу фотолаборатории, купив для нее соответствующее оборудование (до него фотограф использовал собственное). Сразу после своего назначения на должность (в 1900 г.) он был командирован в Европу, так сказать, для обмена опытом. По итогам командировки, согласно его указаниям, были куплены Бертильоновский бюстовый аппарат для снимков в 1/7 величину человеческого тела, увеличительный аппарат, дуговая лампа с азростатом для вечерних снимков, созданы ящики для хранения негативов, т.е. дело поставлено на максимально высокий для того времени технический уровень.²⁹ При Лебедеве была упорядочена и система учета.

В итоге всех этих усовершенствований и работы сотрудников стола приводов процедура опознания происходила достаточно быстро (1-2 часа). По полученным данным по задержанным наводились справки по листкам судимости, розыска и высылки, и по двум алфавитным спискам. Каждое лицо, по которому были сделаны измерения, получало личное дело, даже если оно не судилось. Число снимков доходит до 4 в день.

Интересно заметить, что, кроме работы на сыскную полицию, фотолаборатория работала и на охранное отделение. Условия этой

работы определялись особым, частным соглашением между охранным (которое платило 125 р. в месяц за эту работу) и сыскным отделением.

Для того чтобы определить качество работы сотрудников стола приводов, достаточно указать, что только в 1906 г. ими было заведено 1696 дел (антропометрических измерений и фотокарточек), и еще 32 дела было скопировано с присланных из других мест. Кроме того, они сделали 336 копий своих дел по запросам других учреждений³⁰.

Итак, в начале двадцатого века московская сыскная полиция сложилась как учреждение с отлаженным механизмом розыскной деятельности. Оно было полностью укомплектовано, большая часть его сотрудников имела немалый опыт работы. В ней была создана система идентификации на уровне самых высоких стандартов криминалистики того времени.

В целом, московская сыскная полиция начала XXв. находилась на достаточно высоком уровне.

Источники и литература:

1) Законы Хаммураппи ст. 23 // Бабушкина И.Ю. Юридические памятники Древнего Востока стр. 20.

2) Торвальд Ю. «Век криминалистики» М. 1990 стр.21

3) Торвальд Ю. «Век криминалистики» М. 1990 стр. 57

4) Козлина Е.И. Дореформенный полицейский суд.//Московская старина. М. 1989 г. стр. 182

5) Козлина Е.И. Дореформенный полицейский суд.//Московская старина. М. 1989 г. стр. 183

6) ЦИАМ Ф. 46 Оп.42. Д.39. Личное дело Калинина М.И.

7) Соколов А.И. Московская сыскная полиция былых годов // Полиция России. – М.-Спб., 2010 г. стр. 237-253

8) Л. Халюстин. Сыщик Яковлев // Полиция России М-Спб. 2010 г. стр. 36-45

9) «Положение о Московской полиции» от 5 мая 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том 1. 1881г. с.253

10) Временный штат Московской полиции // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье . Том 1. 1881 г. раздел Штаты и табели, стр.16. №131

11) Источник ЦИАМ Ф 46 Оп. 16 Д. 98 Список чинов Управления Московской Сыскной полиции. Л.18

12) Источник ЦИАМ Ф 46 Оп. 16 Д № 103 Сведения о личном составе Московской городской полиции на 2 февраля 1898 г.

13) ЦИАМ Ф. 46 Оп. 25 Д. 89 Личный состав МСП. Л 1

14) Таблица о службе чинов СП (Л 14-24).(на 1 января 1908 г.)
ЦИАМ Ф. 46 Оп. 25 Д. 89 Личный состав МСП.

15) ЦИАМ Ф. 46. Оп. 25 Д. 99.По делу о преступлениях Моисеенко. Л 136

16) ЦИАМ Ф. 46 Оп. 25 Д. 89 Личный состав МСП. Л7.

17) ЦИАМ Ф. 46 Оп. 25 Д. 89 Личный состав МСП. Л 2

18) ЦИАМ Ф 46 Оп. 25 Д. 42.Материалы обследования МСП, и жалоб на градоначальство произведенного Членом Совета Министра Внутренних дел Н. Ч. Затончковским. Л 247

19) ЦИАМ Ф. 46 Оп. 25 Д. 89 Личный состав МСП. Л7.

20) Гурьев В.И. Московская полиция в 1898 г. // Вестник МГОУ август 2010 г.

21) ЦИАМ Ф. 46 Оп. 25 Д. 89 Личный состав МСП. Л14-24.

22) Список дел МСП о вооруженных нападениях и грабежах за 1906г. ЦИАМ Ф. 46. Оп. 25 Д. 99.По делу о преступлениях Моисеенко.Л 147-151

- 23) Торвальд Ю. «Век криминалистики» М. 1990 стр42-44.
- 24) Мулукаев Р.С. Общеуголовная полиция дореволюционной России. Ее классовый характер. М. 1979 г. с 19.
- 25) ЦИАМ Ф. 46 Оп. 25 Д. 89 Личный состав МСП. Л7.
- 26) ЦИАМ Ф. 46. Оп. 25 Д. 99. По делу о преступлениях Моисеенко.Л 82
- 27) Кошко А. Ф. «Среди убийц и грабителей» М. 1995 г. стр. 354
- 28) Торвальд Ю. Век криминалистики. М. 1990 г. стр. 79
- 29) Кошко А. Ф. Среди убийц и грабителей. 300 000 р. по подложной Ассигновке. М. 1995 г. С. 220.
- 30) ЦИАМ Ф 46 Оп. 25 Д. 4 Л. 17-24

Дёмин И.В. Экспликация экзистенциально-онтологического смысла истории и историчности в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера

В статье даётся интерпретация основных положений экзистенциальной аналитики историчности Dasein, осуществлённой М. Хайдеггером в рамках его проекта фундаментальной онтологии.

Предпринятая Хайдеггером экзистенциальная аналитика историчности Dasein позволяет по-новому понять сам предмет историософии, ставит перед ней новые задачи. Подобно тому, как фундаментальная онтология (экзистенциальная аналитика Dasein) лежит в основе всякой «региональной онтологии», так и анализ историчности, осуществлённый в рамках фундаментальной онтологии, предшествует всем рассуждениям об «историческом процессе» и «методологии исторического познания» как «методологии познания исторического процесса» и лежит в их основе. Такое общее понимание роли экзистенциальной аналитики Dasein в структуре

историософского знания не снимает проблемы, которую мы собираемся обсуждать. Чтобы экзистенциальная аналитика могла ответить на вопросы, поставленные самой ситуацией, в которой находится современная историография, *необходима соответствующая интерпретация основных её понятий.*

Прежде чем перейти к обсуждению проблемы исторического прошлого как проблемы онтологической, уточним некоторые термины. В традиционной историософии, да и в собственно историографии понятия «история» и «историческое прошлое» зачастую используются как синонимы, как взаимозаменяемые понятия. Например, говорят об «истории» или «историческом прошлом» какого-то объекта. Такое словоупотребление, как мы увидим в дальнейшем, само не случайно и имеет своё основание в «расхожем понимании истории», которая, в свою очередь, проистекает из несобственной историчности. Но для нашей дальнейшей интерпретации крайне важно *с самого начала* чётко развести, разграничить эти понятия.

Строго говоря, такое разграничение предпринималось и в рамках традиционного понимания истории и историчности. Так, Ю.В. Перов в книге «Историчность и историческая реальность»¹ с самого начала чётко различает «историческое сущее» (то, что обнаруживается в истории) и «историческое бытие» (саму историю). «Уяснить и обосновать природу «исторической реальности», саму возможность и необходимость исторического способа существования человека и человечества, равно как и возможность ее философского осмысления составляет задачу т.н. «метафизики истории». Традиционно предметом «общей метафизики» («онтологии») были вопросы о сущем и бытии. В проекции на проблематику философии истории — это вопросы об «историческом сущем» и «историческом бытии»². Ю.В. Перов

¹ Перов Ю. В. Историчность и историческая реальность. Серия «Мыслители» Выпуск 2. Спб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.

² Там же. С. 19-20.

так поясняет свой тезис: «Все, что существует и происходит в истории: исторические обстоятельства и процессы, «факты» и события, люди, их поступки, объективации, культурные формы и социальные связи — *всё возникающее и исчезающее, конечное, преходящее*, — это «исторически сущее» (здесь и далее курсив мой – И.Д.). Оно воспроизводится историческим сознанием и историческим (и философско-историческим) знанием. История же (если она не просто совокупность всего в ней сущего), — *это то, в чем это «историческое сущее» есть* (возникает, существует и исчезает), — необходимое условие самой возможности существования всякого (любого) исторического сущего»¹. Заметим здесь, что сам факт различения «истории» и «исторического сущего» и усмотрение в этом различие коррелята «онтологического» различие «бытия» и «сущего» ещё не делает историософию самого Ю.В. Перова чем-то напоминающим экзистенциальную аналитику историчности Dasein М. Хайдеггера. Само понимание «истории» и «бытия» у Перова вполне традиционно². Ю.В. Перов

¹ Там же. С. 20.

² Скорее здесь можно провести параллель с «онтологией всеединства» С. Л. Франка. Для обеих концепций характерно рассмотрение проблемы истории в терминах «философии жизни», а сама история мыслится как «историческая жизнь». Само же понятие истории как «исторической жизни» не ставится Ю.В. Перовым под вопрос и не получает онтологического (экзистенциально-онтологического) обоснования. Человек в рамках концепции Ю.В. Перова существует *внутри* истории и из этого своего бытия-в-истории он впервые получает свою историчность: «Человек не познает существующий вне него смысл истории, но и не продуцирует их из себя, — он «достраивает» смыслами исторический процесс, при этом сам пребывая внутри него» (Перов Ю. В. Историчность и историческая реальность. Серия «Мыслители» Выпуск 2. Спб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 76-77).

ставит вопрос, «что означает «быть историческим», т.е. «историчным», обладать историческим способом существования, пребывать в истории и в чем состоит бытийное своеобразие исторического существования?»¹ Этот же вопрос находится в центре внимания и Хайдеггера. Но всё дело в том, что исходный ответ на этот вопрос нельзя получить в рамках традиционно понятой историософии, его можно получить только в рамках экзистенциальной аналитики историчности *Dasein*.

Ещё до всякого содержательного рассмотрения проблемы истории и историчности можно сказать, что эта проблема связана с проблемой времени и временности. Временность же – это исходная, изначальная характеристика бытия-в-мире присутствиеразмерного сущего. Временность бытия-в-мире конституируется тремя взаимопроизводными моментами (бывшествование, настаивание-на, наставание), каждый из которых совершается всякий раз либо в собственном, либо в несобственном модусе. Выскажем теперь предположение относительно соотношения временности и историчности (соответственно, времени и истории), которое должно подтвердиться в ходе дальнейшей интерпретации: историчность – это структурный момент временности, один из трёх равноисходных моментов; *история в своём исходно онтологическом (экзистенциально-онтологическом) смысле – это бывшествование.*

Экзистенциальная аналитика историчности присутствиеразмерного сущего даётся Хайдеггером в пятой главе второго раздела «Бытия и времени». Экзистенциальная аналитика историчности ставит перед собой цель дать набросок «онтологического понимания историчности»².

¹ Перов Ю. В. Историчность и историческая реальность. Серия «Мыслители» Выпуск 2. Спб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 19-20.

² Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков, 2003. С. 419.

По мысли Хайдеггера, вопрос об историческом как предмете историографической тематизации не является исходным вопросом экзистенциальной аналитики историчности. Исходным является вопрос о соотношении временности и историчности и о способе бытия исторического: «Как история способна стать возможным *предметом* историографии, это можно извлечь только из способа бытия всего исторического, из историчности и ее укоренения во временности»¹ (здесь и далее курсив Хайдеггера – И.Д.).

Хайдеггер особенно подчёркивает, что экзистенциальная аналитика историчности – это не что иное, как феноменология исторического: «Если историчность сама подлежит прояснению из временности и исходно из *собственной* временности, то в существе этой задачи заложено, что она может разрабатываться только на путях феноменологической конструкции². Это означает необходимость отказа от всех заранее принятых («расхожих») допущений о сущности исторического, о котором мы уже говорили. «Экзистенциально-онтологическое устройство историчности подлежит овладению наперекор затемняющему расхожему толкованию истории присутствия»³.

Присутствиеразмерное сущее с самого начала экзистировует *исторично*: «К событию присутствия принадлежит по его сути размыкание и толкование. Из этого бытийного способа сущего, экзистировующего исторично, вырастает экзистентная возможность выраженного размыкания и осмысления истории»⁴. «История» в её исходно онтологическом смысле – это не бытие-во-времени: «Анализ историчности присутствия, - подчёркивает Хайдеггер, - пытается показать, что это сущее не потому "временно", что "выступает в

¹ Там же. С. 420.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 421.

истории", но что оно наоборот экзистировать и способно экзистировать лишь потому что в основании своего бытия оно временно»¹. Тем самым, по словам С.В. Соловьёвой, «Хайдеггер производит фундаментальный переворот в философии истории, т.к. не помещает человека в универсум истории, но наделяет само его существование историчностью»².

Хайдеггер спрашивает, какое сущее является первично (собственно, исходно) историчным? Для ответа на этот вопрос он выясняет, что придаёт тому или иному историческому сущему специфический характер историчности, иными словами, что делает историческое историческим: «Хранимые в музее древности, домашняя утварь к примеру, принадлежат "прошедшему времени" и все же еще наличны в "современности". В каком смысле эти средства исторические, когда ведь они *еще не* ушли? Только в том что они стали *предметом* историографического интереса, охраны памятников и краеведения? Но *историографическим предметом* подобные средства способны стать все же лишь поскольку сами в себе неким образом *историчны*. Вопрос повторяется: по какому праву мы именуем это сущее историческим, когда оно ведь не ушло? Или эти "вещи", пусть они сегодня еще наличны, имеют все же "нечто прошедшее" "в себе"? *Суть* ли они еще, наличные, то, что они были? "Вещи" явно изменились. Сосуд "с течением времени" стал ломким и изъеден червями. Но не в этой преходящести, сохраняющейся и в продолжение наличествования в музее, заключен *тот* специфический характер прошлости; который делает сосуд чем-то историческим. Что же тогда в этом средстве прошлое? Чем *были* вещи, что сегодня они уже не суть? Они суть все еще определенное употребительное средство - но вне употребления. Положим однако, они были бы подобно

¹ Там же. С. 421.

² См.: Конев В.А. Критика способности быть: (Семина по "Бытию и времени" Мартина Хайдеггера) / Самар. гос. ун-т. Каф. философии гуманит. фак. - Самара: СамГУ, 2000.

многим наследуемым вещам в домашнем хозяйстве еще и сегодня в употреблении, разве тогда они еще не были бы историческими? В употреблении или вне употребления, они все равно уже не то, что были. Что "ушло"? Не что иное как *мир*, внутри которого они, принадлежа к взаимосвязи средств, встречались как подручное и применялись озаботившимся, сущим-в-мире присутствием. Самого *мира* больше нет. Но прежнее *внутримирное* того мира еще налицо»¹.

Этот фрагмент является одним из ключевых для понимания экзистенциальной аналитики историчности Dasein. Вопрос, обсуждаемый в этом фрагменте, формулируется так: на каком основании мы говорим вот об этом сосуде, что он «ушёл в историю», «принадлежит прошлому»? Почему мы так говорим? Не потому, что сосуд стал предметом истории или археологии. Чтобы стать предметом исторической тематизации, вот этот сосуд, по Хайдеггеру, «сам в себе» должен быть каким-то образом историчен. Почему мы говорим вот об этом сосуде, что он «принадлежит прошлому»? Этот сосуд «принадлежит прошлому» потому, что нет больше самого мира, в котором этот сосуд был подручным средством, принадлежал к «взаимосвязи средств». Вот этот сосуд теперь наличен, но он больше не подручен, он уже «вне» своего мира, в котором прежде он был подручным средством. Но «что однако означает, - спрашивает Хайдеггер, - уже-не-бытие мира? Мир *есть* только по способу *экзистирующего* присутствия, которое *фактично* есть как бытие-в-мире»². Следовательно, вопрос об «уже-не-бытии-мира» отсылает к вопросу о присутствиеразмерном сущем, которое всякий раз бывшествоюще экзистирует, то есть экзистирует как «своё бывшее». Отсюда следует, что «исторический характер еще хранимых древностей основан... в "прошедшести" присутствия, чьему миру они

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков, 2003. С. 425.

² Там же. С. 426.

принадлежали»¹. Таким образом, получен ответ на вопрос об исходно историчном сущем. Исходно (собственно) историчным сущим является сущее присутствиеразмерное. Только через, посредством исходной историчности присутствиеразмерного сущего исторический характер приходит к внутримирному неприсутствиеразмерному сущему².

Хайдеггер подчёркивает, что «присутствие *никогда* не может быть прошлым, не потому что оно непреходяще, но потому что в принципе никогда не может быть *наличным*, а, если оно есть, *экзистировать*»³. Экзистенциальная аналитика эксплицирует присутствиеразмерное сущее как «первично историческое». Но здесь возникает вопрос, «становится ли присутствие впервые историческим лишь через то, что его больше нет?» «Не

¹ Там же.

² «Историчность» - это не атрибут, которым сущее обладает наряду с другими атрибутами. Вот почему нельзя согласиться с Н. Б. Ивановым, когда он пишет, что «история — не только пространство происходящего, но и атрибут сущего. Причем атрибут, наряду с природой, универсальный: не существует такой чувственной вещи, которая бы не обладала как природой, так и историей. Природа есть то, чем обладает вещь сама по себе, безотносительно к пространству и времени своего существования» (Иванов Н. Б. Что такое история? // Метафизические исследования. Выпуск 3. История. Альманах Лаборатории Метафизических Исследований при Философском факультете СПбГУ, 1997. С. 81). В целом в статье Н. Б. Иванова представлен традиционный («метафизический») взгляд на проблему соотношения бытия и истории, истории и природы. Экзистенциальная аналитика историчности М. Хайдеггера как раз и есть преодоление такого взгляда на историю как универсальный атрибут сущего. История исходно – это не *атрибут*, но *момент* бытия всякого сущего, в том числе и неприсутствиеразмерного сущего, внутримирно-встречного сущего.

³ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 426.

есть ли оно, - спрашивает Хайдеггер, - историческое именно как фактично экзистирующее? *Присутствие становится бывшим лишь в смысле сбывшегося или оно сбывается как актуализирующее-настающее, т.е. во времени своей временности?»*¹. Последние два вопроса в значительной степени риторические. Положительный ответ на них предопределён ещё в ходе трактовки временности как единства трёх равноисходных и взаимопроизводных моментов. Изначально исторично именно *фактически экзистирующее присутствиеразмерное сущее*.

Подведём итог интерпретации экзистенциальной аналитики историчности присутствиеразмерного сущего:

- «история» - это исходный момент, исходная структура бытия-в-мире; строго говоря, история в исходно-онтологическом смысле – это *уже-бытие-в-мире присутствиеразмерного сущего*; история – это бывшествование; присутствиеразмерное сущее с самого начала экзистирует *исторично*;
- присутствиеразмерное сущее является *исходно и собственно историческим*; оно не потому исторично, что «пребывает во времени», но оно может экзистировать как «пребывающее во времени-истории» (то есть в несобственном модусе) только благодаря тому, что оно с самого начала сущностным образом исторично;
- неприсутствиеразмерное сущее получает специфический характер историчности, становится историческим лишь посредством принадлежности к миру экзистирующего *Dasein*; неприсутствиеразмерное сущее является историческим, историчным,

¹ Там же.

поскольку оно есть внутримирно-встречное сущее, «при» котором бытийствует всякий раз сущее присутствиеразмерное.

Лазутин А.В. О Восприятии иудеев христианами средневековья.

Процесс размежевания между иудаизмом и христианством занял около ста лет¹. В наиболее раннем Евангелии - от Марка² - споры между Иисусом и фарисеями по вопросам еврейского закона не содержат враждебности. Распятие рассматривалось как дело рук римлян, которым помогали «эллинизированные» священники. Это Евангелие было написано для прозелитов языческого происхождения, а не для христиан-евреев, так как, говоря об обычаях и обрядах иудеев, автор объясняет их смысл³, что было бы излишним для евреев-христиан⁴.

По мере развития традиции Нового Завета место споров с фарисеями и первосвященниками заняла полемика против евреев и иудаизма, а представление о некоторых евреях как врагах Иисуса сменилось демонизацией еврейского народа в целом. Так, Евангелие от Иоанна, возможно, самое позднее, вкладывает в уста Иисуса, проповедующего в

¹ Подробнее см.: Лазутин А.В. Что такое иудеохристианство?//Наука. Творчество. 9 апреля 2007 г. Материалы III Международной научной конференции студентов, аспирантов, молодых учёных. Самарский муниципальный университет Няновой. Самара: ООО «ИПК» «Содружество». 2007. С. 33-38.

² Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М., Политиздат. 1987. С. 58.

³ Евангелие от Марка, гл. 7, стихи 2-4 // Библия... С. 974.

⁴ Кац А. Евреи. Христианство. Россия. С. 29 // <http://bookz.ru/authors/kac-aleksandr/kaz.html>.

Храме, следующее утверждение: «Ваш отец дьявол»⁵, а в Откровении Иоанна Богослова еврейское молитвенное собрание названо «сборищем сатанинским»⁶, хотя, следует признать, что здесь термин «сатан» мог использоваться в значении не «дьявол», а «противник»⁷. Редакторы Нового Завета осознали, что они не являются больше частью еврейского народа, и стали описывать дискуссии Иисуса как споры со всеми евреями, а не с отдельными их течениями. Когда христиане начали воспринимать евреев как "чужих", то пришли к заключению, что все они повинны в отвержении Иисуса.

Со II в. полемика между иудеями и христианами набирала обороты. Отцы церкви - основоположники христианской религиозной доктрины - осознавали необходимость в четком размежевании между новым вероучением и иудаизмом. Они вступали в полемику с еврейским толкованием Священного Писания и выставляли возражения на полемические доводы евреев. Наиболее значительный христианский апологет II в. - Иустин-мученик - в своем «Диалоге с Трифоном» излагает двухдневную дискуссию между автором и еврейским ученым из Эрец-Израэль (возможно – с рабби Тарфоном⁸). Дискуссия посвящена значению

⁵ Евангелие от Иоанна, глава 8, стих 44 //Библия... С. 1040.

⁶ Откровение Святого Иоанна Богослова, глава 2, стих 9 и глава 3, стих 9//Библия... С. 1204-1205.

⁷ Подробнее см.: Лазутин А.В. Конфликт между христианами и иудеями Испании до мусульманского завоевания //Межкультурная дистанция и межкультурный диалог в истории и современности. Материалы открытого регионального молодёжного научного форума. Самара, ООО «Издательство СамНЦ РАН», 2008. С. 116-124.

⁸ Отцы Церкви. Электронная еврейская энциклопедия//<http://www.eleven.co.il/article/13112>.

Ветхого завета по сравнению с Новым, божественности [Иисуса](#) и претензиям христианства быть «Новым Израилем». [Иоанн Златоуст](#) во второй половине IV в. произнес восемь антиеврейских проповедей, обвиняя евреев в жадности, порочности и порицая тех местных христиан, которые, подпав под влияние иудаизма, отмечают еврейские праздники и практикуют еврейские обычаи⁹.

Таким образом, христиане, которых Поляков называет «диссидентами иудаизма»¹⁰, обнаружив, что их проповеди среди еврейского народа не приносят больших результатов, постепенно меняют тактику и начинают обосновывать тезис о том, что Бог перестал считать еврейский народ избранным и передал эту роль «Новому Израилю». Разрушение Иерусалимского Храма дало им сильный аргумент: такая катастрофа могла быть только наказанием Господним и доказательством того, что Бог окончательно отвернулся от своего народа.

Окончательное же формирование правового статуса евреев связано с завершением в X-XI вв. процесса христианизации и становлением теологических концепций. Тогда обозначились и основные черты установок средневекового общества и церкви относительно евреев: «чужие», «другие» в средневековом обществе определялись прежде всего по конфессиональному признаку, и к ним относились схизматики, еретики и прежде всего иноверцы, религия, культура и образ жизни которых вызывали неприятие.

В этой связи нами считается уместным сказать об образе «Другого» (el Otro) в истории, под которым Энрико Монтенегро, ссылаясь на профессора Бенито Руано, понимает «многообразный предмет, который проявляется в культуре, обществе, государстве, поколении любой человеческой группы или

⁹ Saint John Chrysostom. Eight Homilies Against the Jews//<http://www.fordham.edu/halsall/source/chrysostom-jews6.html>.

¹⁰ Поляков Леон. История антисемитизма. Книга 1. Эпоха веры. Гешарим, Москва, 1997. С. 21.

индивида, как кто-то или что-то, принадлежащее его собственной природе, но в то же время радикально от него отличающееся»¹¹

«Другие» в средневековом обществе определялись, прежде всего, по конфессиональному признаку, и к ним относились схизматики, еретики и иноверцы, религия, культура и образ жизни которых могли вызывать неприятие¹². Образ Другого в средние века строился в соответствии с религиозными критериями. Средневековая культура строит свой образ Другого, исходя из собственной картины мира. Здесь образ Другого есть «образ себя»¹³.

Если иноверцы-мусульмане жили за пределами христианских государств и были внешними врагами, то евреи населяли христианские государства и рассматривались как своего рода «внутренние враги»¹⁴. Поэтому христианское общество стремилось изолировать их не только в социальном, но и правовом отношении. В соответствии с юридической и теологической концепцией средневековья, все человеческое общество рассматривалось как «тело Христово», причем в *corpus Christi* включены не только христиане, но и неверные. В теле Христовом каждая корпоративная группа, каждая *universitas* имеет специфическую функцию, как орган тела. Еврейская община также является членом универсального тела. Ее следовало поддерживать как отдельную *universitas*, с максимальной возможностью ее изоляции.

¹¹ Montenegro, Enrique Cantera. "Judíos medievales. Convivencia y persecución", en Eloy Benito Ruano (Coordinador), "Tópicos y realidades de la Edad Media (I)". Madrid. Real Academia de la Historia, 2000. P. 179-252.

¹² Лучицкая С.И. Евреи //Словарь средневековой культуры. Под ред. А.Я. Гуревича. Москва, РОССПЭН, 2003. С. 169.

¹³ Лучицкая С.И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. Санкт-Петербург, «Алетейя», 2001. С. 353.

¹⁴ Montenegro, Enrique Cantera. «Judíos medievales...» P. 179-252.

В средневековом праве евреи считались «сервами короля» (*servi camerae regis*), «рабами казны»¹⁵. Со второй половины XII века изменяется понятие «еврейского рабства» (*servidumbre judía*), которое поддерживается в сочинениях Отцов Церкви и которое с юридическо-правовой точки зрения является знаком низкого положения евреев относительно христиан, взамен чего им гарантировалась королевская защита. Концепция «еврейского рабства» присутствует в некоторых канонических текстах и в многочисленных королевских документах западной и центральной Европы: в немецкой документации второй половины XII века часто ссылаются на евреев как на собственность имперской Палаты, а начиная с XIII в. они стали рассматриваться как «собственность» местных правителей. Оказывая евреям поддержку, христианские монархи взамен облагали их налогами. Поступления от налогов с евреев составляли значительную часть фискальных доходов государства. Еврейские общины прирейнских городов Шпайера, Вормса и Майнца были признаны особыми грамотами, выданными императором или же местным епископом («Привилегия епископа Рудигера»)¹⁶.

В силу особого правового статуса евреев как иноверцев их экономическая деятельность была ограничена. В раннее средневековье евреи имели возможность заниматься преимущественно дальней торговлей. Но в целом в христианском обществе иноверцы вытеснялись из сферы ремесла и торговли; также и организация аграрного общества на феодальной основе не допускала их в свою структуру. В этих условиях наиболее приемлемой для них деятельностью оказалась финансово-банковская и ростовщическая.

¹⁵ Росман Моше. Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы. Части 1-2. Издательство Открытого университета, Тель-Авив, Израиль, 1995. С. 47.

¹⁶ Лимор Ора, Амнон Раз-Кракоцкин. Евреи и христиане: полемика и взаимовлияние культур. Книга 1. С. 230.

Церковные запреты христианам заниматься ростовщичеством не распространялись на иноверцев. Уже в XIII в. евреи воспринимались как главные и единственные ростовщики. В этом качестве они систематически становились объектом нападок в христианских проповедях. Уже в XIII в. имеет место отождествление «еврея» и «ростовщика», делавшее евреев ответственными за появление ростовщичества и служившее поводом для обострения религиозной розни, поскольку в Библии указывалось: «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни золота¹⁷...» Ростовщик, торговавший временем – божьим даром - совершал смертный грех. Церковь выступала против общения между евреями и христианами. Совместная жизнь, трапезы запрещались или ограничивались. При этом отчуждение было взаимным. Согласно Талмуду, правоверным евреям необходимо строго соблюдать предписания относительно контактов с гоями (не исповедующими иудаизм). Евреи поселялись в особых кварталах.

Сегрегация евреев усугубилась в XIII в. Суровое антиеврейское законодательство ознаменовало наступление на их права. Отличие евреев от других членов христианского общества принимает внешние формы. В частности, на IV Латеранском соборе 1215 г. евреям было предписано носить на одежде особый отличительный знак¹⁸ Чаще всего это было изображение колеса. Обычное его место - на груди или поясе. Евреи, не носившие подобных знаков, подвергались преследованию. В символическом плане «колесо» могло рассматриваться как изображение монеты - аллюзия на тридцать серебряников, которые получил Иуда. Другой вариант: это

¹⁷ Второзаконие, глава 23, стих 19//Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Синодальный перевод, Издание Владимирской епархии, 1998. С.215.

¹⁸ Lateran IV: Canon 68 - on Jews//H. J. Schroeder, Disciplinary Decrees of the General Councils: Text, Translation and Commentary, (St. Louis: B. Herder, 1937). pp. 78-127//<http://www.fordham.edu/halsall/source/>

изображение гостии, символа христианской веры, которую не приняли иудеи.

Таким образом, христианство, возникнувшее как одна из сект иудаизма, претендующее на роль мировой религии, очень скоро заняло по отношению к более древней монотеистической религии отрицательную позицию. Ещё раннехристианская церковь создала миф об иудаизме, удревняя собственную историю: иудаизм не является независимой и древней религией, а лишь представляет собой пагубную девиацию от истинной веры. Церковь учила, что теологически иудаизм был низшей по сравнению с христианством религией, исторически еврейский народ уже исчерпал свою положительную роль, а с точки зрения морали евреи служили примером «слепого упорства и закоснелости»¹⁹. Вместе с тем она требовала более терпимого отношения к ним, поскольку евреи были свидетелями страстей Христовых. Подобное противоречивое отношение к евреям впоследствии нашло отражение и в каноническом праве. Христианские теологи разработали концепцию, согласно которой евреи рассматривались, с одной стороны, как убийцы Христа, народ, не принявший истинного Мессию. С другой стороны, согласно христианским представлениям, накануне Страшного суда пелена спадет с их глаз, и они обратятся в христианство.

¹⁹ Saint John Chrysostom : Eight Homilies Against the Jews//C. Mervyn Maxwell, Chrysostom's homilies against the Jews : an English translation, Thesis (Ph. D.), University of Chicago, 1967 <http://www.fordham.edu/halsall/source/chrysostom-jews6.html>.

Августин Блаженный (354-430 гг.) выдвинул тезис о «тройной функции»²⁰ евреев:

1) евреи, принешие писание, являются живым свидетельством и подтверждением его истинности, включая сказанное (у пророков) о христианстве;

2) униженное положение евреев свидетельствует, что первенство перешло к церкви. Евреи наказаны, что отвергли Иисуса: их Храм разрушен, сами они изгнаны в галут и унижены. Они остались Израилем во плоти, тогда как церковь является «Израилем по духу»;

3) необходимо оставить евреев в живых, но обязательно в униженном положении, чтобы само их существование и унижение напоминали об истинности христианства.

Августин Блаженный в утверждал, что евреи заслуживают жесточайшего наказания как виновные в смерти Иисуса («Иудеи же, которые Его убили...»²¹), но они оставлены в живых Божественным Провидением для того, чтобы служить вместе с их Писанием свидетелями истинности христианства. Поэтому христианские правители должны были терпеть евреев на своих территориях, пока они не обратятся в христианство.

Утверждения Августина послужили основанием официальной позиции Церкви по отношению к иудаизму на протяжении всего средневековья. Римский папа Григорий I Великий (590-604 гг.) осудил иудаизм с теологической точки зрения, однако отстаивал терпимость к евреям и поддерживал разрешение проживать им на христианской

²⁰ Еврейское самосознание. Под ред. В. Шкловской-Корди и С. Гольдина. Центр Чейза по развитию иудаики на русском языке, Иерусалим, 2004. С. 213.

²¹ Августин Блаженный. О граде Божием. М.: АСТ, 2000. С. 975.

территории, где должна была гарантироваться свобода их культа, защита их и их товаров²². Григорий Великий позволял еврейским общинам управляться по своим законам и обычаям; но он давал льготы тем из евреев, которые обращались в христианство. По словам Дубнова, когда ему говорили, что меняющие веру ради выгоды не будут искренними христианами, папа отвечал: "Зато дети и внуки новообращенных будут уже настоящими христианами"²³. Авторитет Григория Великого позволял неоднократно обращаться к его мнению, как к официальной позиции Церкви по вопросам взаимоотношений с иудеями на протяжении всего средневековья. Но, в целом, условия проживания евреев на территориях христианских стран зависели от отношения светских властей к иудеям.

К толерантному отношению к евреям призывал и такой средневековый документ, как *Constitutio pro iudaeis*, обнародованный папой Иннокентием III в 1199 году с целью служить главной основой христианско-еврейских взаимоотношений в самых различных областях христианского мира²⁴. *Constitutio* не только допускало еврейское присутствие в христианских королевствах, но и считало его желательным, поскольку евреи являли собой живое и постоянное свидетельство божественного обетования спасения. В христианском социуме в целом существовал общий настрой, согласно которому христиане обязаны были приложить все усилия к тому, чтобы обратить евреев в христианство не силой, а убеждением, поскольку «политическое сообщество было проекцией небесного христианского мира во временном порядке и, следовательно, только крещенные составляли часть

²² Montenegro, Enrique Cantera. «Judíos medievales...» P. 179-252.

²³ Дубнов. Краткая история евреев. С.

45//<http://jhistory.nfurman.com/code/dubnov31.htm>.

²⁴ Innocent III: Constitution for the Jews (1199

AD)//<http://www.fordham.edu/halsall/source/in3-constjews.html>.

ее»²⁵. Считалось, когда перед концом света евреи признают Христа, осуществится *concordatio*, установление «согласия» между Ветхим и Новым Заветами. В массовом сознании, не без влияния низшего духовенства, формировался образ иудея - воплощения сил зла. Для народного сознания еврей был персонифицированным убийцей Христа, и не случайно участники первого крестового похода, расправляясь с евреями, считали, что они наказывают потомков палачей Спасителя. Евреям часто приписывали стремление надругаться над христианскими обрядами и обвиняли их в оскорблении христианской церкви. Так, одно из предъявляемых христианами в адрес евреев обвинений - осквернение гостии (облатки)²⁶. Христиане полагали, что иудеи похищают в христианских храмах воплощенное тело Христово и подвергают его поруганию: протыкают ножом, бросают в кипящую воду, жарят на сковороде и т.д.. В проповедях и назидательных примерах (*exempla*) часто использовались различные легенды. Популярным был рассказ о еврейском мальчике, с которым дружили его сверстники-христиане; он даже заходил вместе с ними в Церковь. Однажды на Пасху он получил причастие и рассказал об этом дома, чем вызвал гнев родителей-иудеев. Они бросили его в горящую печь, но Богородица укрыла его и он пел там псалмы²⁷.

Принятая на IV Латеранском соборе в 1215 г. доктрина о присутствии в гостии тела и крови Христовых фактически закрепила распространенные ранее массовые представления. Обвинения в адрес евреев являются, таким образом, проекцией убеждений и верований самих христиан. В этой связи

²⁵ Montenegro, Enrique Cantera. «Judíos medievales...» P. 179-252.

²⁶ Christian Images of the Jews <http://www.friends-partners.org/partners/beyond-the-pale/english/07>.

²⁷ Montenegro, Enrique Cantera. «La imagen del judío como prototipo del mal en la Edad Media», en M^a del Pilar Rábade Obradó (Coordinadora), «Pecar en la Edad Media». Madrid. Editorial Silex, 2008. P. 45-88.

столь же показательны многочисленные легенды о жестоком обращении иудеев с изображениями Христа и святых: евреи швыряли в них камнями, плевали, делали непристойные жесты²⁸. В некоторых европейских законах содержался запрет евреям создавать восковые образы Христа, Богородицы и святых²⁹.

Еще одно обвинение заключалось в том, что иудеи используют кровь христианских младенцев в ритуальных целях. Оно зафиксировано достаточно поздно — начиная с XII в. Считалось, что во время Пасхи евреи страдают кровотечениями в наказание за то, что они распяли Христа. Чтобы излечиться, они крадут христианских младенцев и выцеживают из них кровь. Не случайно антиеврейские настроения особенно обострились во время Пасхи. Поэтому именно евреев обвиняли в исчезновении или смерти ребенка.

Религиозные фанатики также распускали слухи, что евреи в колдовских целях используют человеческие органы. Часто обвиняли евреев и в отравлении христиан. Например, во время эпидемии чумы в этом была обвинена еврейская община Страсбурга³⁰.

На самом деле все эти инсинуации были своеобразной проекцией собственных представлений христиан на иноверцев. Так, в классическое средневековье было весьма широко распространено представление о магических свойствах крови и внутренних органов человека³¹. Обвинения

²⁸ Toaff Ariel. Blood Passover. P. 197//

<http://www.bloodpassover.com/toafftableofcontents.htm>.

²⁹ Las Siete Partidas: Laws on Jews, 1265//Scott S. P., Las siete partidas//

<http://www.fordham.edu/halsall/sourca>

³⁰ 1349 February 14. St. Valentines days (Strasbourg)

<http://www.jewishhistory.org.il/history.php?startyear=1300&endyear=1399>.

³¹ Toaff Ariel. Blood Passover. P. 93//

<http://www.bloodpassover.com/toafftableofcontents.htm>.

евреев в идолопоклонстве (архетипом служил ветхозаветный сюжет поклонения золотому тельцу) были продиктованы стремлением христианской церкви отвести от себя подобные подозрения. Церковные иерархи пытались бороться с наиболее одиозными предрассудками паствы относительно евреев. Например, папа Григорий X (1271-1276 гг.) даже обратился к христианам с посланием против «кровавого навета»³².

Характерные для христианского общества установки относительно евреев закреплялись в образах средневекового искусства. Иконография евреев была в общих чертах разработана в эпоху классического средневековья. Средневековые миниатюры, скульптуры и витражи изображают евреев в остроконечных шапках, с густой бородой и пейсами. Это добровольное отличие иудеев, о чем говорится в Пятикнижии Моисеевом³³. Однако евреи начинают избегать бритья бороды лишь с рецепцией Талмуда, требующего тщательного соблюдения ветхозаветных предписаний. В раннесредневековом искусстве нет и отличий евреев в одежде. Регистр иконографических атрибутов был полнее разработан позже. Всякая оппозиция церкви изображается как оппозиция иудеев. Так, с евреями отождествляются еретики. Евреям приписываются наиболее порицаемые в системе христианских представлений пороки, такие, как гордыня или жадность. Говорится о стереотипе, об искажённом образе или преувеличенной реальности, которая превышает категории нормы и присуждает черты, отношение и личное поведение целой группе. Это явление имеет ярко выраженное сходство в различных областях Европы позднего средневековья. Образ, глубоко отрицательный, способствовал идентификации еврея посредством легко узнаваемых схем и клише.

³² Gregory X: Letter on Jews. Against the Blood Libel//<http://www.fordham.edu/halsall/sbook.html>.

³³ .693 ימע 2001, «מירשג», מילשורי . מילשורי היתונידמו . בר ללוכה אינאטירב היתונידמו .
מישדק טי . תורטפגהה

В иконографии средневековья наиболее распространенным был образ персонифицированной Синагоги. Разработанная в церковной идеологии дихотомия *velatio-revelatio* является центральной в иконографии евреев. Обычно Синагога изображалась в виде женщины - слепой или с повязкой на глазах в знак того, что евреи не признали мессию. В средневековом искусстве Синагога трактовалась как некий образ антихрама. Изображение непоколебимой Ecclesia и падающей Synagoga отражает характерную для средневековой иконографии дихотомию восхождения и падения. Традиционный иконографический атрибут Синагоги - перевернутая лампа (перекличка с библейским сюжетом о неразумных девах³⁴). В алтарной части храмов Синагога изображалась со скрижалями закона, падающими из рук, она низвергается в ад, а глаза ее обвиты змеей. Церковь увенчана короной, с Синагоги же корона спадает, у нее сломано знамя, ослепляющая повязка на глазах, а в правой руке голова козла - символ своеволия и разврата.

Отношения евреев с местным населением складывались в европейских странах по-разному. Наиболее благоприятным в IX—XI вв. было положение евреев Германии, где именно тогда как экономическая, так и культурная жизнь еврейских общин достигла своего наивысшего расцвета. Однако уже Первый крестовый поход, ознаменовавшийся серией еврейских погромов, нарушил деятельность общин. Весной 1096 г. волна еврейских погромов прокатилась по Шпайеру, Майнцу, Кельну, Ксантену, затем Триру, Мецу, Регенсбургу³⁵. Крестоносцев вдохновляла уверенность в том, что они жили в конце времен накануне Страшного суда, и до этого момента необходимо избавиться от всех иноверцев. Крестоносцы верили в то, что приближают Апокалипсис, а их жертвы надеялись мученической смертью также приблизить приход мессии. Евреи осмысливали события в эсхатологических

³⁴ Евангелие от Матфея, гл. 25, ст. 1-13//Библия... С. 958.

³⁵ Rost Michael. Die europäischen Juden und das Zeitalter der Kreuzzüge//<http://www.bis.uni-oldenburg.de/bisverlag/lemwid96/kapi-3.pdf>.

категориях, рассматривая конфликт христиан и мусульман как войну Гога и Магога³⁶, возвещавшую приход мессии, как испытание евреев гневом Бога..

Таким образом, можно сделать вывод, что, по мнению отцов церкви, христиане должны были терпеть присутствие евреев, поскольку последние являются «живыми свидетелями» распятия Христа и доказательством древности Священного Писания. Одной из основных теологических причин конфликта между христианством и иудаизмом стала различная трактовка идеи прихода мессии и, соответственно, различная оценка Ветхого завета. Христианские богословы утверждали, что в дальнейшем существовании евреев нет смысла: они должны были лишь служить наглядным примером деградации, постигшей народ, который был избран Богом, но впоследствии изменил своему призванию, отверг Мессию и предал его смерти. Поэтому образ еврея демонизировался, им приписывались самые отрицательные черты и свойства, которые христиане не хотели бы видеть прежде всего в своих братьях.

Мамонов А.В. Журнал «Нива» и русское просвещение.

Периодические печатные издания в России являются важным предметом исследования для деятелей исторической науки. Однако хорошо изучены в основном журналы, предназначенные для интеллектуально развитого читателя, с широким кругозором, в ту пору как изучение журналов для массового читателя с познавательно-развлекательным направлением только начинается.

Русский иллюстрированный журнал «Нива» издательства Адольфа Федоровича Маркса¹ являлся самым распространенным иллюстрированным

³⁶ Книга пророка Иезекииля, глава 38-39//Библия... С. 846-848.

¹ Маркс Адольф Федорович (2 февраля 1838 – 22 октября 1904) – русский книгоиздатель. В 1859 переехал в Россию. Основатель издательства (1869),

журналом России конца XIX начала XX вв. По нему можно составить картину быта, нравов и традиций дореволюционной эпохи. В журнале публиковались исторические и литературные произведения, научно-популярные и всевозможные юбилейные очерки, репродукции и гравюры картин современных отечественных и зарубежных художников разных эпох. Во многом благодаря «Ниве» сочинения многих авторов добрались до самых отдаленных областей России. С 1894 года в качестве приложения к «Ниве» стали систематически выходить собрания сочинений русских и иностранных писателей, которые из-за доступной стоимости распространялись огромными тиражами¹, что, безусловно, способствовало развитию просвещения среди жителей российской провинции. Журнал был относительно недорог – годовая подписка стоила от 4 до 5 рублей², что давало возможность подписываться большому количеству читателей. Известно, что в 1875 году «Нива» имела 18 тысяч подписчиков, в 1877 – 30 тысяч, а в 1878 году тираж достиг 43 тысячной отметки³, это при условии, что для России, вплоть до конца XIX века одна тысяча подписчиков – обычное дело. Подобных тиражей не имело никакое другое издание того времени. Вследствие исключительно богатой интересными историческими и научно-популярными сведениями из истории, географии, науки, искусства, медицины, а также бесплатных приложений журнал получил огромную популярность и достиг самого высокого тиража в стране и одного из самых высоких в мире – 275 тысяч экземпляров.

позднее – акционерного общества «Товарищество издательского и печатного дела А.Ф. Маркс». Издатель иллюстрированного журнала для семейного чтения «Нива» (1870 – 1918).

¹ <http://booksite.ru/arhiv/vystavki/october03/rare.htm>

² <http://ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/magazines/archive/2010/07/article0009.html>

³ <http://s.r.chg.su/articles.php?lng=ru&pg=50&st=5>

С 1894 года бесплатными приложениями к «Ниве» стали систематически выходить собрания сочинений крупнейших русских и зарубежных писателей.¹ Ломоносов, Жуковский, Грибоедов, Гоголь, Гончаров, Достоевский, Тургенев, Салтыков-Щедрин, Лесков, Чехов, Фет – вот далеко не полный список авторов, произведения которых издательство Маркса издавало как и отдельно, так и приложениями к журналу «Нива». В беллетристическом отделе помещались произведения практически всех известных писателей того времени – в том числе роман Льва Николаевича Толстого «Воскресение».² Большой интерес представлял отдел биографий выдающихся лиц современности и исторических деятелей. «Нива» поместила на своих страницах биографии о В.Г. Белинском, Т.Н. Грановском, И.А. Крылове, Л.Н. Толстом, М.Ю. Лермонтове, А.С. Пушкине, У. Шекспире. Сам А.Ф. Маркс определил задачей своего журнала «служить в области печатного слова культурным задачам дорогого нашего отечества»³.

За многолетнее существование «Нивы» в ней менялись редакторы и сотрудники, но характер журнала оставался неизменным, таким, каким его создал Адольф Федорович Маркс. Нося наименование журнала «литературы, политики и современной жизни», «Нива» стояла в стороне от серьезных вопросов общественно-политической жизни: общественность и политика отражались в «Ниве» главным образом в рисунках и фотографиях, в мелкой хронике, в различных юбилейных очерках, причем все это преподносилось в благонамеренном, консервативном духе.

После смерти Маркса, в номере, который был посвящен памяти его создателя, один из сотрудников журнала «Нива» Рогозин определил

¹ <http://www.ozon.ru/context/detail/id/857530/>

² Швецова Л.К. Массовые еженедельники для «пестрого» читателя. Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века, 1890-1904: Бурж.- либер. и модернист. Изд. М., 1982.

³ <http://russkiymir.ru/russkiymir/ru/magazines/archive/2010/07/article0009.html>

основную задачу издания: «Задача несомненно воспитательная в самом широком смысле этого слова. В сущности ее даже можно бы назвать продолжением школы. Идеал, который преследует семейный журнал, сознающий все значение своей просветительской миссии, заключается в том, чтобы заурядная семья, более или менее поглощенная житейскими заботами и добыванием насущного хлеба и, следовательно, не имеющая возможности уделять много времени и средств на чисто культурные цели, <...> находило в нем настолько солидную пищу, чтобы, <...> от современности не отстать и в то же время не терять и понимания вечных начал этики и красоты»¹.

Бесспорно, изучение материала изложенного в многочисленных номерах издания, предоставляет нам возможность проанализировать жизнь и интересы русского общества с периода правления Александра II и до падения монархии, понять, какими духовными идеалами жили люди, и какую роль в их жизни играло просвещение.

Пешкова Ю.Н. Некоторые аспекты изучения зарубежной литературы в старших классах.

Изучение зарубежной литературы является частью литературного образования школьников. Произведения иностранных авторов расширяет представления учащихся о литературе «как неотъемлемой части мировой культуры, углубляется знакомство с национальными особенностями и общими закономерностями литературного процесса в разных странах мира»². В старших классах преподавание зарубежной литературы строится на основе историко-литературного принципа, который направлен на развитие и систематизацию знаний школьников о литературном процессе, его

¹ Нива. 1904. №50. С. 10–16

² Михальская Н.П. Зарубежная литература. 10 – 11 кл. В 2 ч. Ч. 1: метод. пособие./ Н.П. Михальская, О.С. Мончаковская – М.: Дрофа, 2006. С.3.

исторических этапах. Историко-литературный принцип изучения мировой литературы помогает сформировать в сознании учащихся целостную картину развития искусства слова. Для этого курс истории литературы активизирует внутрипредметные и межпредметные связи, обращается к понятию художественного перевода.

Литературный метод и направление, система художественных образов, творческий путь писателя на уроке могут рассматриваться в плане внутрипредметных связей. Выявление внутрипредметных связей является одним из важнейших средств изучения литературы в старших классах. Данной проблемой в рамках школьного изучения активно занимался К.М. Нартов. Основные его работы – «Взаимосвязи отечественной и зарубежной литератур в школьном курсе» (1986), «Зарубежная классика и литературное образование» (1986), «Изучение зарубежной литературы» (2001). К.М. Нартов предлагает рассматривать взаимосвязи отечественной и зарубежной литератур на трех методических уровнях:

1. Взаимосвязь литератур как теоретическое понятие, фундаментальный признак единства мирового литературного процесса.

2. Взаимосвязь разнонациональных литературных явлений, входящих в программу общеобразовательной школы (А.С. Пушкин – Г.Х. Андерсен, А.С. Пушкин – Дж. Байрон, М.Ю. Лермонтов – Дж. Байрон, Н. В. Гоголь – М. Сервантес и др.).

3. Взаимосвязь разнонациональных литератур, попутно выявляемая при изучении отечественной литературы (В. Г. Короленко – В. Гюго, А. М. Горький – Ч. Диккенс, «Слово о полку Игореве» – «Песнь о Роланде», А. П. Чехов – Г. де Мопассан, А. М. Горький – Б. Брехт и др.)». ¹

¹ Нартов К.М. Зарубежная классика и литературное образование / К.М. Нартов // Советская педагогика. – 1986. – С. 34- 35.

Подобное сопоставление произведений мировой литературы на трех разных уровнях помогает понять учащимся не только их единство и своеобразие, но и сам процесс взаимосвязи литературных явлений как научное понятие. Использование внутрипредметных связей в учебном процессе способствует «углублению восприятия внутренней целостности литературного курса старшекласниками, формированию представления о литературном процессе как о динамичном, поступательно развивающемся и внутренне взаимосвязанном историко-литературном феномене»¹.

Авторы программ по литературе рекомендуют использовать внутрипредметные связи в процессе преподавания русской и зарубежной литературы. Чтобы наглядно это увидеть, обратимся к школьным программам по литературе, одобренными Министерством образования и науки Российской Федерации:

- программа для общеобразовательных учреждений (5 – 11 классы) под редакцией Т.Ф. Курдюмовой;
- программа литературного образования 10 – 11 классы под редакцией В.Г. Маранцмана;
- программа для образовательных учреждений гуманитарного профиля 5 – 11 классы, автор Н.П. Михальская.

Программа по литературе под редакцией Т. Ф. Курдюмовой реализует базовый уровень подготовки школьников по литературе. Знакомство с произведениями художественной литературы в 10 – 11 классах проходит в форме чередования обзорных тем с монографическими. Список произведений зарубежных авторов представлен в соответствии с историко-литературным принципом изучения литературы в старших классах. В 10 классе школьникам предлагают основные тенденции зарубежной литературы XIX столетия (поздний романтизм, реализм, символизм) сопоставить с

¹ Зинин С.А. Внутрипредметные связи в изучении школьного историко-литературного курса / С.А. Зинин. – М.: Русское слово, 2006. С.6.

литературными явлениями русской литературы (романтизм, реализм). Школьники должны проанализировать следующие произведения зарубежных писателей: «Серапионовы братья» Э.Т.А. Гофмана, «Записки Пиквикского клуба» Ч. Диккенса, «Гобсек» О. де Бальзака, «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго, «Золотой жук» Э. По, «Ожерелье» Г. де Мопассана, «Кукольный дом» Г. Ибсена, «Пьяный корабль» А. Рембо. В 11 классе школьный курс литературы открывается обзором европейской литературы первой половины XX в., что позволяет составить общее представление об основных культурных явлениях и направлениях, отразившихся в литературе и искусстве данного периода. Это является основой для введения отечественной литературы в культурно-историческую атмосферу двадцатого столетия.

Программа литературного образования 10 – 11 классы под редакцией В.Г. Маранцмана представлена базовым и профильным уровнями. Базовый уровень направлен на обзорное изучение произведений иностранных авторов. Профильный уровень дает возможность учащимся более подробно познакомиться с произведениями зарубежной классики. В список программных произведений мировой классики входят: «Кармен» П. Мериме, «Фауст» И.-В. Гете, «Красное и черное» Стендаля, «Евгения Гранде» О. де Бальзака, «Большие надежды» Ч. Диккенса, поэзия Р.М. Рильке, Г. Аполлинера, «Три товарища» «Триумфальная арка» Э.-М. Ремарка, «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера. Взаимодействие русской и зарубежной литературы анализируется здесь на уровне:

- выявления общих тем в творчестве писателей разных стран. Тема утраченных иллюзий в художественных системах Ч. Диккенса, Стендаля, О. де Бальзака и И.А. Гончарова;
- сравнительного анализа литературных героев. Сравнение портрета Жюльена Сореля (Стендаль «Красное и

черное», ч. 1, гл. 4) с портретом Пугачева из повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (гл. 2 «Вожатый»);

- сравнительного анализа перевода поэтического текста с его подлинником. Поэзия Г. Аполлинера в русских переводах (М.Кудинов, В. Маранцман и Е. Кассирова);
- восприятие творчества зарубежного писателя через его влияние на развитие русской литературы (темы: «Русский Диккенс», «Бальзак и Россия»).

Программа для образовательных учреждений гуманитарного профиля (5 – 11 классы) Н.П. Михальской. Данная программа предназначена для школ и классов гуманитарного профиля, гимназий и лицеев, где зарубежная литература изучается как целостный курс. Преподавание иностранной литературы строится на основе комплексного подхода, который включает в себя аспекты историко-литературного, литературно-теоретического и культурологического изучения произведений зарубежных писателей. Произведения включены в программу Н.П. Михальской с учетом взаимодействия русской и зарубежной литературы. Например, при изучении трагедий У. Шекспира в 10 классе учащиеся обращаются к русской литературе. Творчество У. Шекспира анализируется в суждениях и художественных системах русских писателей: восприятие трагедии «Гамлет» в России; мотивы шекспировской трагедии в повести И.С. Тургенева «Степной король Лир»; Л.Н. Толстой о трагедии «Король Лир».

Анализ основных программ по литературе показывает, что постижение основных закономерностей развития мирового литературного процесса через взаимодействие явлений русской и зарубежной литературы «значительно углубляет литературное образование школьников и существенно расширяет

возможности формирования их мировоззрения, а также идейно-нравственное и эстетическое воспитание»¹.

Важную роль в изучении произведений зарубежной литературы играют **межпредметные связи** с дисциплинами гуманитарного цикла. В методической литературе широко используются межпредметные связи. Например, При анализе романа У. Голдинга «Повелитель мух» Т.Г. Соловей обращается к картинам О. Дикса, Г. Грундига, М. Савицкого, которые приводят старшеклассников к соответствующим политическим аналогиям. Н.П. Кубарева в методическом пособии «Современная зарубежная повесть в школьном изучении» рекомендует в работе над повестью «Кола Брюньон» Р. Роллана использовать фрагменты из оперы Д. Кабалевского «Мастер из Кламси», что позволит учащимся познакомиться с музыкальной интерпретацией повести Роллана, тем самым, расширит их представление о герое и его времени. Программы по литературе под ред. В.Г. Маранцмана, В.Я. Коровиной и Н.П. Михальской рассматривают художественные произведения с учетом межпредметных связей.

Интеграция различных учебных дисциплин в учебном процессе направлена на преодоление фрагментарности знаний, на овладение учащимися комплексным знанием, «системой универсальных человеческих ценностей, служит формированию системно-целостного взгляда на мир»². М.А. Лебедева подчеркивает, что межпредметная интеграция предполагает «не механическое совмещение в рамках одного урока различных учебных

¹ Нартов К.М. Взаимосвязи отечественной и зарубежной литератур в школьном курсе. / К.М. Нартов, Н.В. Лекомцева; Под ред. Л.Г. Нартовой, Н.А. Ремизовой. 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. С. 49.

² Доманский В.А. Литература и культура. Культурологический подход к изучению словесности в школе.- Томск, 2002./

<http://ou.tsu.ru/school/litkult/3.html>.

предметов, но их системное объединение в содержательную общность нового качественного характера, когда каждая составляющая системы испытывает «силовое притяжение» смежных областей, что помогает увидеть ее по-новому, «остраненно» и более концептуально»¹. Таким образом, межпредметные связи на уроках зарубежной литературы формирует целостное представление об исторической эпохе, основных направлениях в культуре и искусстве, которые повлияли на творчество зарубежного писателя и на мировой литературный процесс в целом. При изучении зарубежной литературы учащиеся овладевают системой гуманитарных знаний.

На уроках мировой литературы учащиеся знакомятся с произведениями иностранных авторов не в подлиннике, а в переводах русских писателей и лингвистов. Перевод имеет большое значение для развития литературы. Благодаря переводу, «литературное произведение начинает жить уже независимо от своей первоначальной языковой формы»². Художественный текст, существующий на многих языках, становится явлением мировой литературы и частью литературного мира других стран. Из этого следует, что «даже в гениальном переводе при условии бережного отношения к исходному тексту и взаимного обогащения материала читатель будет иметь дело с другим языком и иным текстом»³. От качества и характера перевода зависит процесс восприятия иностранного произведения читателем. Чтобы читателю приблизиться к авторскому замыслу, ему нужно познакомиться не

¹ Лебедева М.А. Человек и мироздание в художественных системах Ф.

Тютчева и Н. Рериха (к вопросу о содержании и технологии межпредметной интеграции на уроках литературы). /

<http://www.gramma.ru/EDU/?id=2.35>.

² Конрад Н.И. Запад и Восток. / Н.И. Конрад – 2-е изд. – М.: Наука, 1972. С. 339.

³ Михальская Н.П. Зарубежная литература. 10 – 11 кл. В 2 ч. Ч. 1: метод. пособие./ Н.П. Михальская, О.С. Мончаковская – М.: Дрофа, 2006. С.8.

с одним, а с несколькими вариантами перевода. Поэтому художественная интерпретация переводчика предстает образцом для понимания произведений иностранной литературы. Обращение учителя к понятию художественного перевода, выявление его качественных особенностей способствует более глубокому восприятию произведений мировой литературы.

Наиболее эффективным видом работы на уроках мировой литературы является сопоставительный анализ перевода художественного текста зарубежного автора с его оригиналом, а также сопоставительный анализ переводов одного текста. Е.О. Кузьмина считает, что данный вид работы на уроках зарубежной литературы – «необходимое, экономное и оптимальное средство развития филологического мышления, языкового чутья учащихся, воспитание двуязычной личности»¹. По мнению К.М. Нартов, обращение к понятию перевода, «указание на его качественные особенности имеет большой педагогический смысл»². В ходе сравнительного анализа нужно обратить внимание учащихся на то, как происходит процесс отражения в переводе содержания, системы образов оригинального произведения, основных его идейных смыслов, а также передача особенностей индивидуального стиля зарубежного автора. В результате они должны прийти к пониманию: «1) художественности перевода; 2) меры смысловой

¹ Кузьмина Е.О. Искусство художественного перевода. Немецкая классическая поэзия на уроках литературы. / Под ред. Г.Н. Тараносовой – Тольятти: Развитие через образование, 2000. С. 7.

² Нартов К.М. Роль художественного перевода при изучении русской и зарубежной классики в национальной школе. / К.М. Нартов – М.: ИНПО, 1992. С. 41.

адекватности перевода; 3) особенностей эстетических утрат оригинала и эстетической привнесенности в него переводчиком»¹.

Таким образом, использование в преподавании зарубежной литературы вышеизложенных аспектов способствует: 1) формированию целостной картины развития мирового литературного процесса и роль в нем русской литературы; 2) развитию навыков литературоведческого анализа художественного произведения; 3) повышению интереса к произведениям мировой литературы. 4) формированию культуры межнационального общения.

Платонова А.А. Браки фабричных рабочих и московских мещан на территории Замоскворецкого сорока (конец XVIII-начала XIX вв.).

Матримониальное поведение податного населения в Москве XVIII - первой половины XIX вв. остается малоисследованной проблемой. Данная статья посвящена брачным связям московского мещанства и фабричных работников на территории Замоскворецкого сорока.

Сорок – церковная административно-территориальная единица, объединявшая группу приходов. С 1720-х гг. в церквях велись метрические книги. Списки с приходских книг, содержавшие информацию о крещениях, венчаниях и погребениях за один год (метрические тетради), объединялись духовной консисторией по сорокам в одно дело, позднее в два дела. Замоскворецкий сорок включал приходы в Якиманской, Пятницкой и Серпуховской частях Москвы. В конце XVIII - первой трети XIX вв. это были относительно густо заселенные городские районы (особенно

¹ Нартов К.М. Изучение зарубежной литературы. / К.М. Нартов – СПб.: Просвещение, 2001.С. 26.

Якиманская и Пятницкая часть), социальный облик которых все больше определяло купечество, значительную долю населения составляли мещане, ремесленники, здесь также проживали чиновники, офицеры, священнослужители, церковный причт и др. группы.

В Якиманской части на Софийской набережной располагался Большой суконный двор. Основанный в царствование Петра I Суконный двор в XVIII в. представлял собой одну из крупнейших мануфактур Москвы. После чумы 1771 г., унесшей многих рабочих, фабрика начинает приходить в упадок. Она продолжала функционировать до 1841 г. Это предприятие и ряд других суконных мануфактур в Москве были созданы на средства казны и переданы в управление частным лицам при сохранении верховной собственности государства. Производимое сукно поставлялось в армию. В отсутствие рынка свободной рабочей силы обеспечение комплектования рабочих кадров в значительной степени брало на себя государство, в частности, правительство отправляло на Суконный двор солдатских детей.¹ Указом 1736 года все работные люди, «которые при фабрике обретаются», в том числе вольнонаемные, закреплялись «вечно при фабриках». Вместе с «вечноотданными» по указу 1736 г., на суконных мануфактурах Замоскворечья трудились купленные содержателями фабрик крепостные крестьяне. Государство так же приписывало к казенным фабрикам государственных крестьян (т.н. приписные крестьяне), в конце XVIII в. эта практика прекратилась. В начале XIX в. «вечноотданные», купленные к фабрикам и приписные крестьяне, которые стали называться «непременные работники», были объединены под общим обозначением посессионных. На казенных суконных фабриках помещения, инструменты и люди принадлежали государству, а не фабрикантам. Последние владели

¹ Труды историко-археографического института. Том XIII. Крепостная мануфактура в России. Часть V. Московский суконный двор. – Л.: Изд-во академии наук СССР, 1934. – с. XVIII

предприятием на правах условного держания. Так после четвертой ревизии государство потребовало от фабрикантов объяснений, «по какому праву или дозволению» отпускались на волю люди, приписанные к московским суконным фабрикам: у содержательницы Евреиновой Ф.П. – 4 жен. души, у содержательницы Журавлевой Н.В. – 1 муж. и 2 жен. души, у содержателей Большого суконного двора – 2 муж. и 33 жен. душ и т.д.¹

Работный или мастеровой человек суконной мануфактуры, зачастую происходивший из люмпенизированных слоев населения, занимал очень низкую ступень социальной лестницы. Содержатели фабрик нередко использовали приписных и посессионных людей на работах, не относящихся к суконному производству, денежная плата за труд могла заменяться натуральным пайком.² В 1771 г. в «мнении» о причинах распространения чумы среди рабочих Суконного двора доктор И. Кулманн указывает на «чрезвычайно худое сих людей содержание в пище» и ужасающие антисанитарное состояние их жилищ.³ Среди москвичей фабричные были известны как группа склонная к асоциальному и криминальному поведению. И. Снегерева сообщает, что в часы, когда работники Суконного двора шли на фабрику или возвращались с работы, Каменный мост становился «небезопасен» для прохожих и проезжающих, «которых нередко грабили фабричные».⁴

Исследование распространения брачных союзов мещан и фабричных может дать важную информацию о социальной дистанции между этими группами и ее динамике.

¹ ЦИАМ, ф. 32, оп. 26, д. 667, л. 1.

² Труды историко-археографического института. Том XIII. Крепостная мануфактура в России. Часть V. Московский суконный двор. – Л.: Изд-во академии наук СССР, 1934. – с. XXII

³ Там же. – с.244

⁴ Там же. – с.246

Необходимо заметить, что брачный круг приписных рабочих московских суконных фабрик в течение первой половины XVIII в. был искусственно ограничен. Преимущественно эти ограничения касались дочерей и вдов приписных к фабрикам рабочих. Ссылаясь на указ 1736 г., содержатели мануфактур запрещали фабричным женщинам вступать в браки с людьми, не приписанными к фабрике, и тем самым менять свой правовой статус. В 1763 г. вышло определение конторы правительствующего сената, официально расширяющее брачный круг приписных рабочих.¹ Определение Сената возникло в результате челобитной московского фабриканта Журавлева, просившего разрешения выдавать принадлежащих фабрике женщин за «сторонних» женихов, и женить фабричных рабочих на «сторонних» невестах. В сенате сочли, что ограничение круга потенциальных супругов противоречит указу 1724 г. о не принуждении «рабов своих и рабынь к брачному сочетанию». Высказывается опасение, что «вдовы и девки, будучи удержаны при той фабрике», и не желая «идти за находящихся на оной фабрике фабричных» могут впасть «в непотребство». Кроме того, «вдовы и девки, вступая за одних находящихся на тех фабриках фабричных в замужество, могут дойти до такого ближнего свойства, в котором по закону брачного сочетания и иметь не должно». Исходя из этих соображений, было разрешено выдавать приписным фабричным женщинам отпускные письма для замужества на стороне. «А чтоб за отпуском с фабрик женска полу в замужество за сторонних людей находящиеся на фабриках мастеровые люди бракосочетания не лишились, то в место тех отпускаемых с фабрик девок и вдов всяких чинов с указанными отпускными, а не беглых брать за тех фабричных». В тоже время содержателям мануфактур

¹ Копия определения Сената содержится в деле 1791 г. в качестве приложения к объяснению купчихи вдовы Ф.П. Евреиновой, «по какому праву» отпускались на волю люди, приписанные к ее суконной фабрике. ЦИАМ, ф. 32, оп. 26, д. 667, лл.5-6.

рекомендовалось поощрять браки между приписными фабричными обоих полов «некоторым по своему рассуждению награждением».¹

Анализ метрических книг за 1787², 1801³, и 1821⁴ гг. показал, что брачные союзы мануфактурных рабочих и мещан на территории Замоскворецкого сорока имели место, но были немногочисленны и проявляли тенденцию к сокращению. Браки, в которых девушка-мещанка выходила за мужчину-фабричного численно преобладали. (См. приложение к статье) Это объясняется особенностями правового и экономического положения женщины в Российской империи. Брак для женщины, не имевшей, за редким исключением, возможности обеспечивать себя самостоятельно, был жизненно необходимым шагом. В случае если не получалось найти супруга внутри собственной страты вступали в брак с человеком более низкого социального статуса. Мещане женились на дочерях или вдовах рабочих значительно реже: в 1787 и 1801 гг. подобные браки отсутствуют, в 1821 г. зафиксирован 1 брак московского мещанина и дочери рабочего человека Большого суконного двора. Можно предположить, что браки мещан и женщин из среды фабричных встречались в порядке исключения.

Хотя на фоне роста численности мещанского сословия абсолютное количество браков мещанок и рабочих увеличивается, но их процентное выражение уменьшается. Так в 1787 г. подобные браки составляли 10; в 1801 г. – 6,6; в 1821 г. – 5,5%.

Определенное значение могло иметь сокращение числа посессионных рабочих в составе населения Москвы и затухание Суконного двора. По данным автора «Состояния столичного города Москвы 1785 г.» в городе

¹ ЦИАМ, ф. 32, оп. 26, д. 667, лл.5,5 об.

² ЦИАМ, ф. 203, оп. 745, Т.1, д. 52

³ ЦИАМ, ф. 203, оп. 745, Т.1, д. 126

⁴ ЦИАМ, ф. 203, оп. 745, Т.1, д. 230

«приписанных к фабрикам» насчитывалось 2596 мужчин или около 1,3% от общей численности населения Москвы, приведенной в источнике; число приписных к фабрикам женщин не указано¹. Тогда же в середине 1780-х гг. по данным четвертой ревизии при Суконном дворе состояло работников обоого пола 331 человек². На рубеже веков пятая ревизия зафиксировала на Суконном дворе уже 260 рабочих³. Вероятно, тенденция к сокращению приписных работников на Суконном дворе продолжала развиваться и в последующие годы. В 1832 г. В.П. Андросов, весьма обстоятельно описавший социальный состав жителей Москвы, вообще не упоминает о сколько-нибудь значимой группе посессионных рабочих. (Другой статистик первой половины XIX в. М. Гастев не обнаруживает приписных и посессионных рабочих даже в Москве 1788-1794 гг., когда они составляли заметную категорию населения⁴.) Впрочем, подготовленная Андросовым таблица численности населения Москвы по сословиям имеет серьезные недостатки. Например, он почему-то упускает сословие ямщиков⁵, которое по его же данным занимало не последнее место среди московских домовладельцев⁶.

¹ Состояние столичного города Москвы 1785 г. по рукописи, принадлежащей библиотеке Главного Архива Министерства Иностранных Дел. – М.: Типография М.П. Щепкина и Ко, 1879. – с. 6

² Труды историко-археографического института. Том XIII. Крепостная мануфактура в России. Часть V. Московский суконный двор. – Л.: Изд-во академии наук СССР, 1934. – с. 230

³ Там же.

⁴ Гастев М. Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. Часть первая. – М.: Университетская типография, 1841. – с. 264

⁵ Андросов В.П. Статистическая записка о Москве. – М.: Типография Семена Селивановского, 1832. – с. 52-53

⁶ Там же. – с. 31

В масштабах страны в течение первой четверти XIX в. действительно наблюдается сокращение числа несвободных рабочих и увеличение вольнонаемных. Последние, работая на фабрике, могли отмечаться в официальных документах по своему сословию, как экономические крестьяне, дворовые люди и т.д. В 1840 г. фабрикантам предоставлено было право увольнять посессионных рабочих, низкая эффективность труда которых была уже очевидна, с вознаграждением от казны в 36 руб. на ревизскую душу. Между тем, в первой из двух метрических книг Замоскворецкого сорока за 1841 г. продолжают встречаться браки мещан с фабричными: зафиксирован брак московской мещанки и мастерского Большого суконного двора¹, а также брак московского мещанина и «фабричной казенной посессионной суконной фабрики»².

Стоит обратить внимание на то, что мещанство Москвы в рассматриваемый период не только численно растет (количество браков мещан на территории Замоскворецкого сорока увеличивается с 16 до 135 в год) – повышается уровень благосостояния мещанского сословия. Это хорошо отразил в своем статистическом исследовании В.П. Андросов. В 1832 г. он пишет «Приобретения мещан [по сравнению с приобретениями купечества] еще обширнее: они имеют теперь каменных домов почти в 24 раза более, нежели сколько имели за 40 лет перед сим, и в трое более деревянных. Объясним ли это редкое явление действительным усилением сего сословия, или переходом в оное многих купцов в последние годы: заключение остается то же: что среднее сословие необыкновенно усилилось в Москве».³

¹ ЦИАМ, ф. 203, оп. 745, Т.1, д. 354, л. 1115об-1116

² ЦИАМ, ф. 203, оп. 745, Т.1, д. 354

³ Андросов В.П. Статистическая записка о Москве. – М.: Типография Семена Селивановского, 1832. – с. 47

На наш взгляд, основная причина уменьшения брачных пар мещанок и рабочих в рассматриваемый период носит социально-экономический характер и связана, прежде всего, с ростом социальной дистанции между московским мещанством и рабочими мануфактур.

Приложение

год	Браки московских <u>мещанок</u> в приходах Замоскворецкого сорока		Браки с мастеравыми и работными людьми мануфактур	
	Абсол. кол-во	%	Абсол. кол-во	%
1787	10	100	1	10
1801	15	100	1	6,6
1821	72	100	4	5,5

год	Браки московских <u>мещан-мужчин</u> в приходах Замоскворецкого сорока		Браки с дочерьми и вдовами мастеровых и работных людей мануфактур	
	Абсол. кол-во	%	Абсол. кол-во	%
1787	6	100	0	0
1801	16	100	0	0
1821	63	100	1	1,58

год	Браки московских мещан (<u>мужчин и женщин</u>) в приходах Замоскворецкого сорока		Браки с мастеравыми и работными людьми мануфактур	
	Абсол. кол-во	%	Абсол.	%

			КОЛ-ВО	
1787	16	100	1	6,25
1801	31	100	1	3,2
1821	135	100	5	3,7

Репинецкий С.А. Иностранная цензура в Российской империи в период подготовки отмены крепостного права

Деятельность цензуры эпохи Великих реформ и изменения в её положении и роли в стране затрагивались практически во всех научных трудах, посвящённых данному периоду, начиная с вышедшего в Берлине «по горячим следам» крестьянской реформы многотомной работы Д.П. Хрущёва¹. Первое специальное исследование было «Печатано по распоряжению Министерства Народного Просвещения» на следующий год после освобождения крестьян в Санкт-Петербурге и называлось «Исторические сведения о цензуре в России»².

В начале XX столетия М.К. Лемке изучил положение прессы и цензурной политики, динамики её изменения и взаимовлияния её и общественного движения и раскрыл, таким образом, взаимоотношения либеральной общественности и правительства. В работе «Эпоха цензурных реформ 1859 – 1865 годов» им сделан акцент на раскол дворянско-помещичьего слоя и замешательство высшей аристократии на заре эпохи

¹ Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. (составитель Хрущёв Д.П.) Vol. 1. Берлин, 1861.

² Исторические сведения о цензуре в России. Печатано по распоряжению Министерства Народного Просвещения. СПб, 1862.

реформ¹. Правда, хронологические рамки вызывают определённое удивление: если с 1865 г. всё ясно – была проведена реформа, то выбор 1859 г. сомнителен, поскольку непосредственная подготовка этой реформы и серьёзные попытки преобразования порядка функционирования цензуры (изменение её функций и полномочий, отношения к другим органам и т.п.) начались не позже 1858 г. Цензуре посвящён ряд монографий и воспоминаний дореволюционных исследователей и общественных деятелей².

В советской и современной историографии на проблемы истории цензуры обращалось внимание и в общих работах по истории изучаемого периода и общественного движения и в специальных статьях. Например, З.П. Базилева, Н.М. Пирумова и Н.Я. Эйдельман изучали проникновение сведений из России в эмигрантские круги, а их изданий – в Россию³. С.Ф. Коваль и Б.Г. Кубалов занимались проблемами изучения общественного движения Сибири и влияния на неё изданий А.И. Герцена⁴. Похожая работа

¹ Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ 1859 – 1865 годов. СПб.: Герольд, 1904. С. 2 – 7.

² Скабичевский А. М., Очерки истории русской цензуры (1700-1863), СПб, 1892; Розенберг В., Якушкин В., Русская печать и цензура в ее прошлом и настоящем, М., 1905; Никитенко А. В., Дневник, т. 1-3, М., 1955-56; Феоктистов Е. М., Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848 - 1896, Л., 1929.

³ Базилева З.П. «Колокол» Герцена. М.: Политиздат, 1949; Пирумова Н.М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М.: Мысль, 1989; Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты "Полярной звезды". М.: Мысль, 1966. // http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/NYE/STAR/STAR_03.HTM

⁴ Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири (1855 - 1862). Иркутск, 1958; Коваль С.Ф. Характер общественного движения 60-х годов XIX в. в Сибири. // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861- 1917 гг. Новосибирск, 1967.

была проделана Е.М. Ильенко, В.В. Снедковой и Н.М. Силаевой на материалах Урала и Поволжья¹. Проблематику взаимоотношений правительства и цензуры с отечественной и эмигрантской печатью продолжили изучать Л.П. Громова, Л.Ю. Гусман и Т.Ф. Пирожкова². В последние годы достаточно популярным стало обращение к истории специальных служб, карательного аппарата и т.п.³ Например, опубликованы годовые отчёты Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии императору, в которых определённое внимание уделено и проблемам цензуры⁴. Духовная цензура была рассмотрена К.Е. Нетужиловым в рамках изучения церковной периодической печати⁵.

¹ Герцен, Огарев и общественное движение в Поволжье и на Урале. Казань, 1964.

² Громова Л.П. К вопросу о взаимоотношениях российского правительства и русской эмигрантской печати. // Журналистика на пороге XXI века. Владикавказ, 1997; Гусман Л. Ю. В тени «Колокола». Русская либерально-конституционалистская эмиграция и общественное движение в России (1840–1860 гг.): СПб.: Изд-во РГПУ, 2004; Пирожкова Т.Ф. Б.Н. Чичерин в журнальной полемике 1856 – 1858 гг. и его суждения об этике журналиста. // Из века в век. Из истории русской журналистики. 1702 – 2002. М.: Изд-во. МГУ, 2002.

³ См., напр.: Григорьев Б., Колоколов Б. Повседневная жизнь российских жандармов. М.: Молодая гвардия, 2007; Жандармы России. Ред.: Измозик В.С., Поляков А.М. М.: Олма-пресс, СПб.: Нева, 2002; Колпакиди А.И., Серяков М.Л. Щит и меч. М.: Олма-пресс, СПб.: Нева, 2002.

⁴ Россия под надзором: отчёты III отделения 1827 – 1869. М., 2006. С. 455, 473 – 475, 479, 494.

⁵ Нетужилов К.Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб., 2008.

В последнее время было защищено ряд диссертаций о цензуре и цензурной политике, в том числе на базе междисциплинарных исследований. Однако большинство таких работ либо имеют максимально широкий хронологический охват¹, либо относятся к пореформенному периоду². Важный вклад в изучение цензуры внесли специалисты из РГПУ им. А.И. Герцена: дискуссии в правительстве и обществе по этому вопросу и их влияние на государственную политику были рассмотрены в диссертационных исследованиях М.В. Евдокимовой и Л.Ю. Гусмана³.

Российская историческая наука исследовала, прежде всего, формально-юридическую сторону деятельности цензуры (организацию ведомства и законодательно-правовую базу его работы) и опыт его реформирования в связи с более широкими преобразованиями, обращая внимание, в основном, на внутреннюю цензуру. Изучались почти исключительно взгляды и деятельность руководителей этого ведомства. В данной статье рассматриваются принципы работы самого комитета цензурной цензуры (низового звена цензурного ведомства), причём главным источником

¹ Павлов М.А. Государственная регламентация чтения в России 1890-1917 гг. Дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2000; Полусмак Т.Л. Цензурное законодательство дореволюционной России. Дис. ... канд. ист. наук., Н. Новгород, 2003.

² Макушин Л.М. Власть и пресса: политика российского правительства в области печати в период реформ 60-х годов XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997; Москвин В.А. Цензура и распространение иностранных изданий в Москве (вторая половина XIX – начало XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2004.

³ Евдокимова М.В. Полемика в русской прессе о свободе слова и цензурных постановлениях, 1857 – 1867 гг. Дис. ... канд. ист. наук., СПб., 1994; Гусман Л.Ю. Проекты реформ цензуры иностранных изданий в России (1861-1881 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. СПб, 1999.

выступает не нормативно-правовая база его деятельности, а собственная документация комитета (протоколы заседаний). Впервые сделана попытка проследить эффективность работы иностранной цензуры и объяснить полученные данные.

В Российской империи основные функции цензуры в 1856 – 1860 гг. выполнялись специальными комитетами при Министерстве народного просвещения, находившимися в ведении учебных округов в главных университетских городах страны, которые, соответственно, являлись и основными центрами книгопечатания и журналистики. Наиболее известны Санкт-Петербургский, Московский и Казанский цензурные комитеты, именно в этих центрах сосредоточилась основная деятельность либеральной и демократической публицистики и общественности в преддверии крестьянской реформы.

Кроме городских цензурных комитетов проверка изданий осуществлялась отраслевыми ведомствами: отдельно существовала духовная и военная цензура¹, а затрагивающие специальные вопросы публикации пересылались для изучения в министерства финансов, государственных имуществ, внутренних дел и пр. Однако этот порядок затруднял и замедлял издательскую деятельность, что особенно болезненно переживалось редакторами периодических изданий. Это вызывало постоянную борьбу за упрощение порядка проверки публикаций и в него периодически вносились изменения, он нарушался и вновь восстанавливался.

Отдельно действовала цензура для иностранных произведений – её комитеты располагались в основных транзитных торговых центрах страны: Санкт-Петербурге, Варшаве, Вильно (Вильнюсе), Киеве, Одессе, Риге. Отдельные цензоры работали в Дерпте (Тарту) и Ревеле (Таллине). В 1844 –

¹ Исторические сведения о цензуре в России. Печатано по распоряжению Министерства Народного Просвещения. СПб, 1862. С. 45 – 48; ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 400. Л. 1, 26.

1917 г. в Москве тоже действовал комитет иностранной цензуры, но в описях его фонда не значится документов за 1855 – 1861 гг.¹ Санкт-Петербургский комитет иностранный цензуры выполнял функции старшего и рассматривал (утверждал или корректировал) постановления других комитетов, разбирал спорные случаи. Высшими цензурными инстанциями были Главное управление цензуры и Главный цензурный комитет при Министерстве народного просвещения: именно туда направлялись все издания, в позволительности которых сомневались сотрудники других учреждений цензуры. Кроме того, работу цензурных комитетов контролировали чиновники по особым поручениям того же министерства. В их функцию входила проверка уже дозволенных публикаций и доклад о них министру народного просвещения.

В свою очередь, председатель Главного управления цензуры докладывал о наиболее важных вещах главноуправляющему III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии князю В.А. Долгорукову. Сохранилось, например, его отношение от 19 апреля 1860 г., в котором он сообщал Долгорукову: «Председатель комитета цензуры иностранной донес мне, что во вскрытых 15 сего Апреля во вверенном ему Комитете 2-х ящиках, присланных из С. Петербургской таможни на имя Миллера от 3 Июня 1859 г. за N 628 и принадлежащих Компании Струговщикова, Водова и Похитонова, оказались следующие запрещенные издания Герцена...»².

В своей работе цензоры и чиновники руководствовались находящемся в составе свода Законов Российской империи Цензурном Уставом 1828 г., а так же всеми текущими установлениями и распоряжениями Императора, министра внутренних дел и народного просвещения. Бывали так же случаи разрешения спорных ситуаций на основании формальной логики и нравственно-политических понятий цензоров и чиновников – они нередко

¹ ЦИАМ. Ф. 2314.

² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 35. Д. 105.

расходились с соответствующими понятиями высших инстанций. Часто эти расхождения были достаточно серьёзными и от цензоров требовалось писать объяснительные записки с подробным указанием причин своих действий; для некоторых цензоров, например, Н. фон-Крузе, частые споры с начальством заканчивались увольнением. В большинстве случаев мнение рядового цензора было демократичнее мнения выше стоящего чиновника и цензоры были вынуждены оправдываться за разрешения того или иного издания¹, но бывали и обратные ситуации².

Состав российской цензуры был невелик: одновременно по стране действовало порядка полусотни выполнявших эти задачи чиновников различного уровня. О гражданских чинах цензоров даёт представление документация Московского цензурного комитета, который в 1858 г. работал в следующем составе. Чины председателей соответствовали 4 – 6 рангам, а цензоров – 6 – 10 рангам. Если использовать аналогии с военными званиями, то можно сказать, что Московским цензурным комитетом руководили лица в званиях, соответствовавших генеральским, а состоял он из чиновников в званиях, равных статусам полковников, майоров и лейтенантов³.

Согласно официальной идеологии николаевского периода, крамола в основном заносилась в Россию из-за границы, поэтому все печатные произведения, по возможности, проверялись предварительной цензурой и лишь после этого выдавались получателям (тем, кто заказывал их за рубежом) и разрешались к переводу и распространению в стране. Как мы упоминали, цензурирование иностранной литературы осуществлялось

¹ Примеры таких объяснительных записок см.: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4785. Л. 9 – 12 (цензор Н. Гиляров-Платонов); Ф. 779. Оп. 4. Д. 37. Л. 380 – 381 (цензор А. Красовский); ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 399. Ч. 1. Л. 1 (цензор Н. фон-Крузе).

² РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 38. Л. 227 – 228.

³ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 398 – 401.

несколькими комитетами в городах западной части империи, главный из которых располагался в Санкт-Петербурге.

Комитет собирался на еженедельные заседания, на которых рассматривались доклады цензоров и отношения других комитетов иностранной цензуры о возможности разрешения для распространения в России различных заграничных изданий. Количество рассматриваемых на каждом заседании изданий было различным. По происхождению проверяемые комитетом произведения, в основном, были французские (изданы в Париже) и немецкие. Такое соотношение иностранной литературы в России было достаточно типичным для того периода. Например, Т.Н. Грановский во введении к учебнику всеобщей истории рекомендовал учащимся для ознакомления научные труды по самому широкому кругу вопросов (истории, географии, философии, биологии, хронологии и т.п.) и из 18 названных им сочинений 11 принадлежало германским авторам¹. В художественной же литературе пальму первенства удерживали французы – это видно и по материалам петербургского комитета иностранной цензуры².

В 1856 г. комитет так же рассматривал достаточно большое количество еврейских книг (на идише и иврите), в Вильно и Киеве даже действовали три специальных цензора еврейских книг³, но в следующие годы упоминания о них исчезают. По-видимому, эта категория изданий была изъята из ведения комитетов иностранной цензуры. Соотношение различных групп запрещённых комитетом изданий по языковой принадлежности показаны в ниже следующей диаграмме 1.

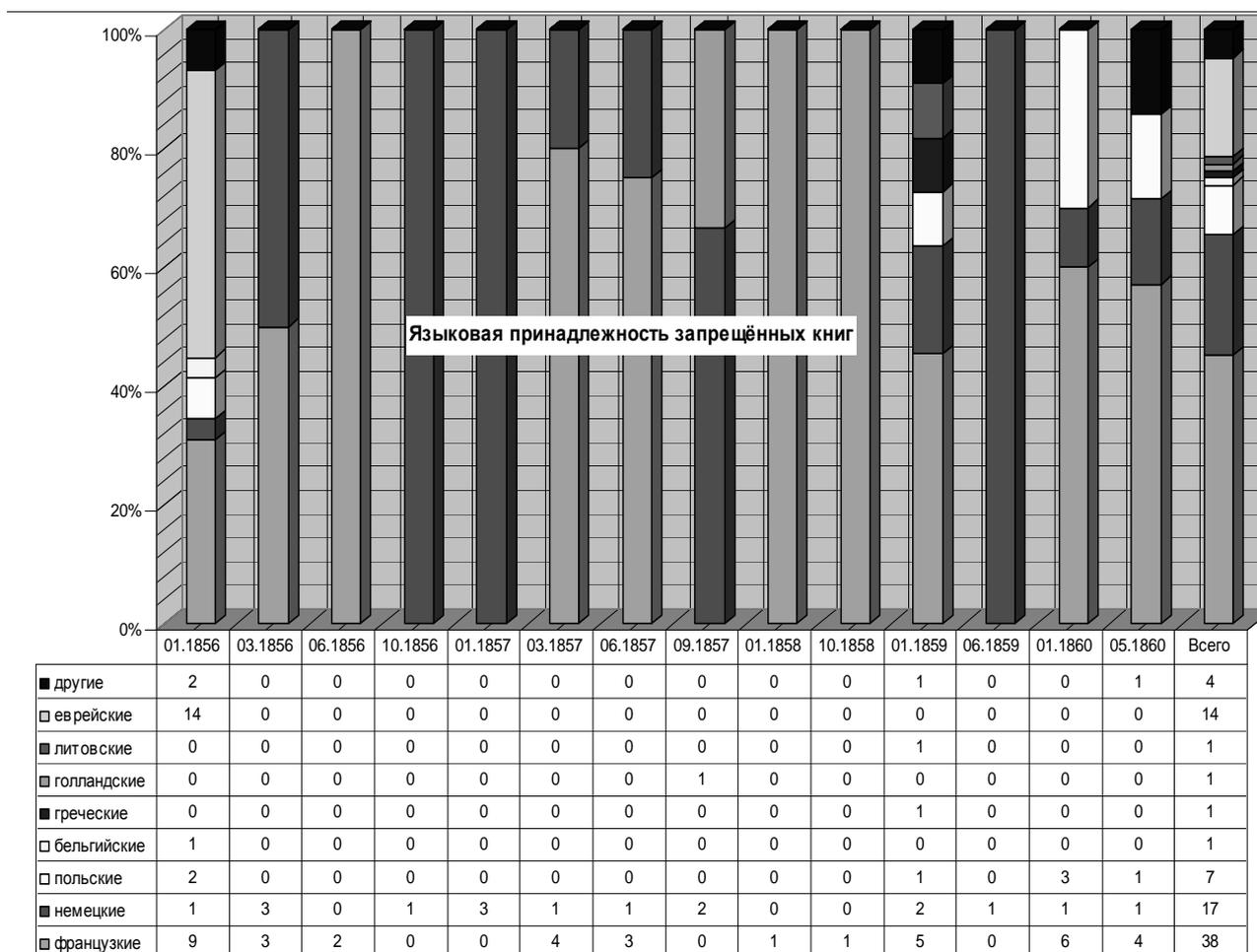
Диаграмма 1.

Языковая принадлежность запрещённых книг.

¹ Учебник всеобщей истории. Введение. // Тимофей Николаевич Грановский: идея всеобщей истории. М., 2006. С. 258 – 268.

² РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36 – 40.

³ РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 36.

По каждому поступавшему в Комитет изданию принималось одно из четырёх возможных решений:

1. «разрешить к распространению и переводу»,
2. «разрешить с исключениями для публикации отдельных мест»,
3. «запретить для публикации»,
4. «запретить совершенно».

В ниже следующей таблице 1 приведены сравнительные данные по принятым решениям, сначала в количестве единиц изданий, затем в процентах.

Таблица 1.

Решения комитета иностранной цензуры.

	04.0	27.0	09.0	19.0	08.0	28.0	10.0	24.0	07.0	18.0	Все
	1.56	6.56	1.57	6.57	1.58	5.58	1.59	6.59	1.60	5.60	го

Разре шено	33	11	32	20	59	30	102	50	99	90	526
	36,6 7%	57,8 9%	86,4 9%	83,3 3%	85,5 1%	85,7 1%	86,4 4%	92,5 9%	86,0 9%	87,3 8%	79,2 2%
С купюр ами	28	6	2	3	6	5	3	3	6	6	68
	31,1 1%	31,5 8%	5,41 %	12,5 0%	8,70 %	14,2 9%	2,54 %	5,56 %	5,22 %	5,83 %	10,2 4%
Запре щено	29	2	3	1	4	0	13	1	10	7	70
	32,2 2%	10,5 3%	8,11 %	4,17 %	5,80 %	0,00 %	11,0 2%	1,85 %	8,70 %	6,80 %	10,5 4%

* РГИА. Ф. 779. О. 4. Д. 36 – 40

Наглядную картину представляет диаграмма 2.

Диаграмма 2.

Решения комитета иностранной цензуры.

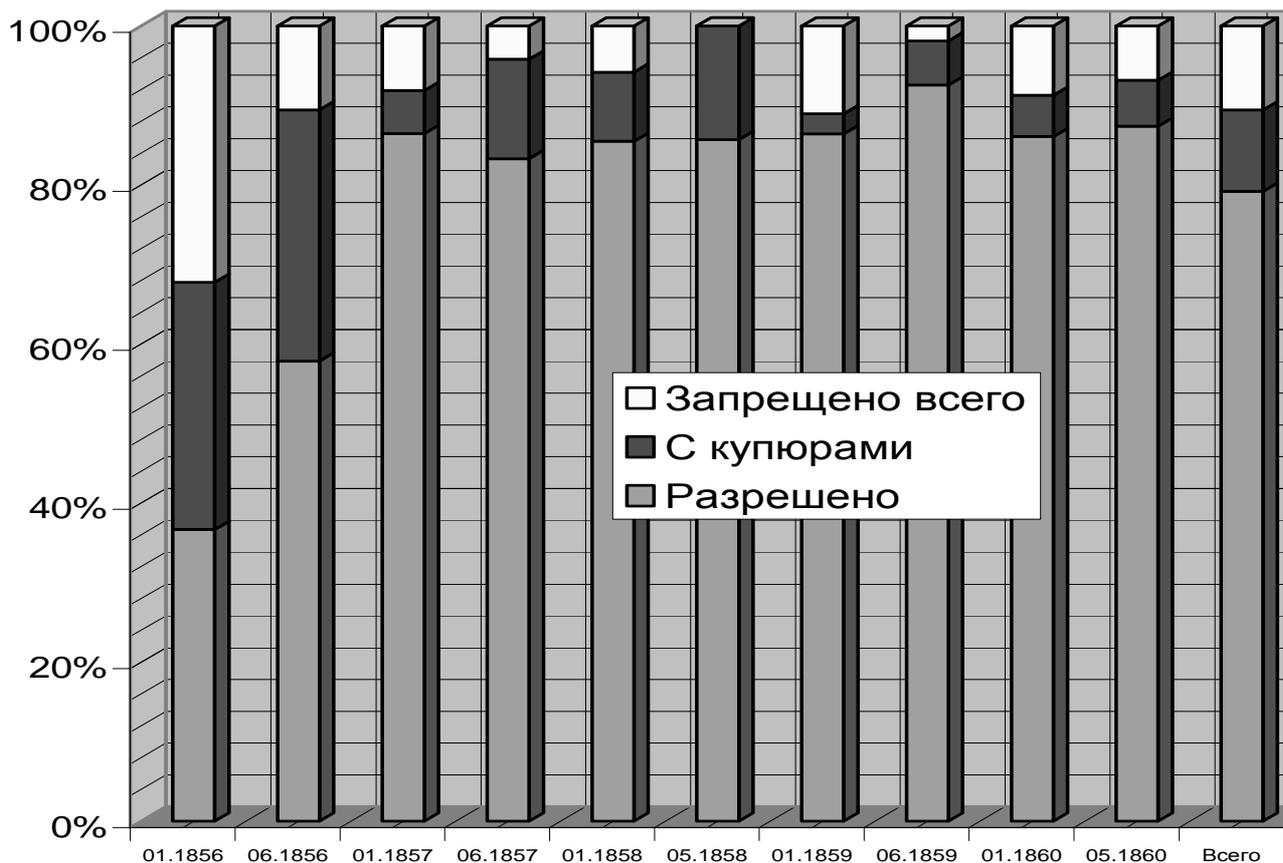
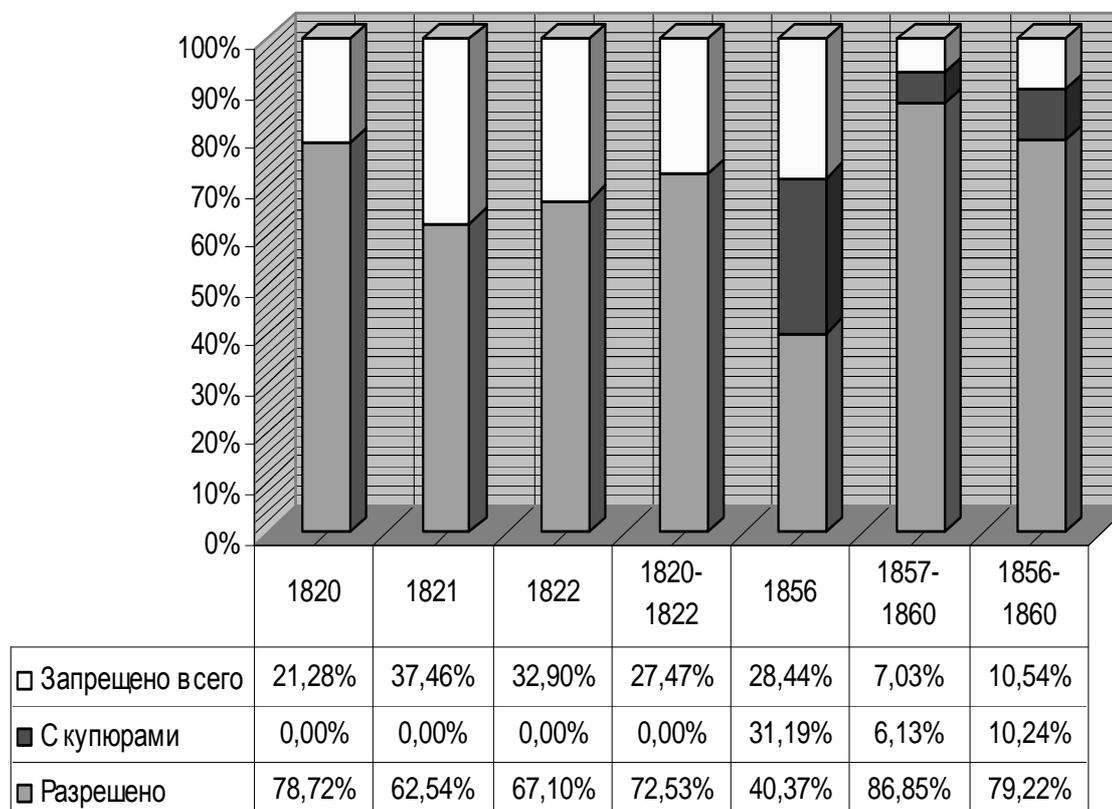

Таблица и диаграмма показывают, что в среднем подавляющее большинство проходивших через петербургский комитет иностранной цензуры публикаций разрешалось для распространений в России. Разительный контраст составляет 1856 г.: в этом году разрешались целиком и с купюрами и запрещались сопоставимые доли рассматриваемых произведений. Затем явно превалируют целиком разрешённые. Наиболее либеральными можно назвать 1858 г., когда были примеры заседаний вовсе не запрещавших ни одного издания, и 1859, когда на первом же своём заседании комитет разрешил 18 книг «без подробного рассмотрения», на тот же год приходится и заседание с наибольшей долей разрешённых произведений¹. В целом, как видно из таблицы и диаграммы, на протяжении 1857 – 1860 гг. показатели сильно не менялись и доля разрешений колебалась в пределах 83 – 93 %.

¹ РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 38. Л. 117 – 120; Д. 39. Л. 2 – 4, 131 – 133.

Диаграмма 3.

Сравнительные показатели деятельности цензуры 1820 – 1822 гг. и в 1856-1860 гг.

Чтобы сделать картину наиболее полной, воспользуемся сравнительно-историческим методом. На диаграмме 3 приведены показатели интересующего нас периода в сравнении с показателями 1820 – 1822 гг.¹, то

¹ Сухомлинов М. Материалы для истории просвещения в России в царствование императора Александра I. СПб, 1866. С. 98. К сожалению, в статистике за 1822 г. автор допустил ошибку в 100 книг (указано, что из 310 проверенных книг было разрешено 108 и запрещено 102). Верность суммы подтверждена в итоговом подсчёте. Допустить, что запрещено было вдвое больше книг, чем разрешено, и этот совершенно незаурядный случай остался без комментария автора, невозможно (здесь же, например, автор обратил внимание на двукратное сокращение общего числа поступивших книг в 1821

есть времени складывания и утверждения так называемой «реакционной внутренней политики». Как видно, средние данные за 1856 – 1860 гг. действительно выглядят несколько либеральнее, хотя разрыв довольно мал: доля разрешённых книг в середине столетия 79,22% не на много превышает долю сопоставляемого периода – 72,53%, а разрыв с показателем за 1820 г. (78,72%) составил всего лишь полпроцента. Для наглядности можно сказать, что «реакционному» 1820-му году до среднего уровня «Эпохи общественного подъёма» не хватило двух – трёх разрешённых книг.

Так же отметим, что, учитывая либерализацию иностранной цензуры после 1856 г., можно сказать, что этот год был отмечен наиболее жёсткой цензурной политикой (полному запрещению подвергалась примерно такая же часть книг, как и в начале 1820-ых гг., а вот разрешена целиком было почти вдвое меньшая доля проверенных изданий). В следующие за ним 4 года, наоборот, запрещалось и разрешалось с купюрами вдвое меньше поступивших книг (в относительных значениях), нежели подвергалось полному запрету в более ранний период.

При всех строгостях цензуры и таможни прекратить ввоз «вредных сочинений» не удавалось – везли не только томики Гегеля и Токвиля, но и целые партии изданий Герцена, что было для властей гораздо страшнее. Везли их потому, что без них нельзя было получить достаточно полного образования и быть в курсе современных научных достижений и событий политической жизни. Эти процессы: с одной стороны, создание правительством анахронических препятствий к интеллектуальному развитию общества, а с другой – неспособность цензуры и таможни обеспечить соблюдение своих запретов, подрывало авторитет государственной власти среди образованной части населения. Даже само общество оказывалось

г. относительно 1820 г.). Исходя из этого, мы предположили, что, по всей видимости, в книге опечатка и в действительности было разрешено 208 книг.

расколотым на читавших запрещённые книги и не читавших: картины мира этих людей существенно различались.

Серганин М.В. Некоторые аспекты изучения социальной сферы крупных промышленных предприятий в советской историографии.

УДК 94(47)

Модернизационные процессы во всех сферах жизни общества на современном этапе набирают обороты. Государство и общество обращаются к изучению опыта азиатских и европейских стран по перестройке экономики, используют их наработки для проведения изменений, оперативного реагирования на последствия кризиса. Исследователи активно изучают сложившуюся мировую ситуацию. При этом рассматриваются и различные варианты: появляются проекты реформирования всех систем, так или иначе влияющих на жизнедеятельность человека - здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства, рассматриваемые на уровне страны в целом и отдельных регионов.

Обращение к опыту Советского Союза по организации социальной сферы и обеспечении основных жизненных потребностей людей предполагает выявление противоречий модернизации. Их необходимо разрешать, поскольку современность требует выделения основополагающих доминант дальнейшего развития. Это предполагает выделение вопросов: что уже сделано исследователями в изучении проблем социальной сферы, какие современные методологические парадигмы необходимо учитывать для дальнейшего изучения. В статье делается попытка осветить некоторые аспекты данной большой проблемы.

Интерес к развитию социальной сферы появился в советской историографии в послевоенный период, при этом объекты промышленных предприятий не рассматривались в проблемном ключе. В своих трудах по истории рабочего класса историки обращаются к теме развития производства, где так или иначе затрагивают и вопросы развития социальных служб. Особо стоит выделить обширнейший массив популярной литературы о заводах и заводской жизни: например, популярное издание, посвященное производственной деятельности Уфимского Нефтеперерабатывающего завода, отмечало, что «детская комиссия завкома организует отдых детей работников завода. В 1967 году в заводском пионерском лагере отдохнуло около 600 человек. 30 подростков отдохнули в оздоровительном лагере»¹. При этом социальная сфера в большей степени рассматривалась через деятельность профсоюзной организации, которая основное внимание уделяла «улучшению условий труда и отдыха рабочих»². Как видим, книги этого типа использовались для воспитания патриотизма и гордости за свое предприятие. В них отсутствовала научная составляющая, но при этом основное внимание было уделено фактам жизнедеятельности трудовых коллективов.

Интересен очерк по истории города Сибай, где популярно излагается история и его промышленных предприятий³. Разделяя его тематически, авторы прослеживают как историю развития края, так и развития отдельных отраслей. При этом основополагающей доминантой при написании является рассмотрение достижений в контексте развития советского партийного строительства – XXVI съезда партии. Таким образом в значительном массиве популярная литература использовалась лишь для формирования позитивного

¹ Винкельман А.П., Сорина Р.М. Ветеран Башкирской нефтепереработки (Из истории ордена Ленина Уфимского нефтеперерабатывающего завода), Уфа: Башкирское книжное издательство, 1968 – С.89

² Там же.

³ Сибай – Уфа: Башк.кн.изд-во, 1985. – 64с., ил.

образа советской действительности и использование этого образа для идейного и идеологического воспитания молодежи, привития у нее склонности к труду, формирования гордости за свой завод и населенный пункт.

Другим примером рассмотрения социальной сферы в советской историографии является рассмотрение в контексте истории рабочего класса улучшения материального и культурно-технического уровня рабочих. В первом систематизированном издании – «Очерках по истории Башкирской АССР», значительное внимание уделялось государственной и партийной политике в области материального и культурного развития рабочих: в издании упор делался на повышение жизненного уровня трудящихся различными методами и способами. Так, например отмечалось, что «большое значение для повышения жизненного уровня трудящихся имело осуществление законов, принятых Верховным Советом СССР в июле 1964г., о повышении заработной платы работникам просвещения, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и других отраслей, непосредственно обслуживающих население, о пенсиях пособиях членам колхозов»¹. Эти и другие факты, были необходимы, чтобы показать развитие советского государства и общества, для которого «рост доходов рабочих, колхозников, служащих, улучшение социального обеспечения имело огромное значение для повышения материального благосостояния трудящихся.»². В тоже время и эта категория литературы имела свои изъяны: современные исследователи отмечают, что «фактически литература не могла отразить крайне недостаточное внимание к социальным проблемам, отмеченную глухоту экономики к человеку, разрыв между бурным ростом промышленности БАССР и запущенностью в решении экологических,

¹ Очерки по истории Башкирской АССР Т. II. Уфа: Башк.кн.изд-во, 1966. – С.581

² Там же.

жилищных, культурно-бытовых вопросов.»¹. Несмотря на общее развитие и достижения, многие проблемы рабочих не были решены, а целый ряд вопросов – таких, как переселение жителей из ветхих жилищ, решаются только сегодня. В тоже время позитивным моментом было предоставление, рабочим и служащим государственных социальных гарантий.

Среди большого потока литературы заслуживают особого внимания работы Рустама Гумеровича Кузеева и его учеников². На обширной источниковедческой базе (архивные документы, периодическая печать) был систематизирован и проанализирован материал по социальной политике государства, развитию промышленности БАССР в послевоенный период, развитию социальных объектов промышленности и других аспектов истории рабочего класса. Данная научная школа одной из первых в

¹ Кузеев Р.Г., Ямалов М.Б. Итоги и проблемы изучения истории рабочего класса Башкирской АССР// Рабочий класс и общественное обновление: итоги и задачи изучения: Межвуз. сб. научн.тр./ Башк.пед-т. Уфа. 1991. - С 95.

² Кузеев Р.Г Рабочий класс – создатель коммунизма Уфа, 1969;Он же Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР Ч.2. Уфа, 1975; Кузеев Р.Г, Ямалов М.Б. Рабочий класс Башкирской АССР на современном этапе Уфа, 1983; Миннибаев Е.К. Политика Советского государства по социальному развитию рабочего класса СССР в 60 – 80 годы: Учеб. пособие к спецкурсу. – Уфа, 1985 – 179с.; Ямалов М.Б. Индустриальное развитие республики Башкортостан (1965-1985гг.): Научное издание./Издание Башкирского университета. – Уфа, 1998. – 176с.; Ямалов М.Б. Башкортостан индустриальный. – Уфа: Восточный университет, 2001. – 112с.; Ямалов М.Б. О некоторых особенностях развития социальной сферы Башкортостана во второй половине XX века// Социальная история Южного Урала в Новое и новейшее время: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева, 24 апреля 2003г. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2003 – С.77-80. и другие.

республике осмыслила необходимость серьезного и структурного изучения социальной сферы промышленных предприятий. В 1991 году в работе, посвященной «Итогам и проблемам изучения истории рабочего класса Башкирской АССР», отмечается, что «критически оценивая обобщающие работы по истории промышленности в целом следует выделить крайне слабую изученность таких узловых проблем как совершенствование и отдача хозяйственного механизма (экономическая реформа, отдельные эксперименты, инициативы в области хозрасчета), развитие реконструкции предприятий и научно-технический прогресс, связь с мировой экономикой, создание, особенности и эффективность объединений 60-х – 70-х гг. и др. Ни один из факторов развития промышленности, в особенности тяжелой, к сожалению, не рассмотрен в связи с социальной сферой с обострением экологических проблем...»¹. Цикл работ этой группы авторов внес неопределимый вклад в изучение истории республики и отдельных проблем.

Как видим, советская историография не рассматривала отдельно проблему социальной сферы промышленных предприятий. Основными проблемами для нее являлись – история отраслей промышленности, отдельных предприятий, рабочего класса, профсоюзного движения. Проблема социальной сферы и объектов промышленных предприятий не могла быть выделена как в следствие сильнейшей идеологизированности и решением наукой частных политических задач, так и в силу слабой опоры на конкретно-исторический материал, который для решения политических задач использовался не по назначению. Поэтому, несмотря на объективно выделяемые тенденции – рост доходов, улучшение жизни, отсутствовало осмысление этих явлений на системном уровне. Однако перестройка и происходящее обновление общества заставили людей обратиться к этим и

¹ Кузеев Р.Г., Ямалов М.Б. Итоги и проблемы изучения истории рабочего класса Башкирской АССР// Рабочий класс и общественное обновление: итоги и задачи изучения: Межвуз. сб. научн.тр./ Башк.пед-т. Уфа. 1991. - С 95.

другим не менее важным проблемам, которые в свое время не рассматривались.

Современная историография, не имеющая строгой методологической заданности, рассматривает интересующую нас проблему в совокупности с другими смежными проблемами. Сегодня преобладает междисциплинарный подход, расширяются рамки исследования. Мы видим влияние цивилизационного подхода, активное применение теории «модернизации». Но вместе с тем, ученые, осмысливающие проблемы методологии, так же замечают, что «сегодня мы должны исходить из общепринятых методологических принципов: историзма, объективного подхода к исследованию, многомерности и альтернативности в изучении проблем, показа не только положительных, но и отрицательных последствий того или иного исторического явления. Требуются новые исследовательские приемы...»¹. Рассмотрение проблем представляет собой поиск, сопровождающийся обработкой эмпирических результатов исследования. Процессы открытия научного знания и поиска методологической парадигмы идут как бы параллельно, что благотворно влияет на исследование проблем и социальной сферы.

Советская историография, несмотря на рамки истории рабочего класса, развития производства и смежных им тем подготовила серьезную базу для осмысления проблем социальной сферы промышленности. Был создан большой объем как научной, так и популярной литературы. Однако при этом по понятным причинам многие проблемы не рассматривались или рассматривались не объективно. Современная историография изучает проблемы комплексно, не отрицая важность использования принципов

¹ Давлетшин Р.А, Касимов С.Ф, Сулейманова Р.Н. Некоторые концептуальные основы истории Башкортостана в XX веке // Республика Башкортостан в XX веке. Теория. Методология. Историография: Сборник научных трудов. – Уфа: «Восточный университет». 1998. - С. 18.

историзма и объективного подхода. Разработка проблемы социальной сферы и ее феномена на промышленных предприятиях предполагает работу со всем пластом исторических источников и литературы, использование комплексного подхода к историческому исследованию, рассмотрения причин и следствий проблемы, влияние ее на современную ситуацию в регионе. Актуальность этой работы обостряется тем обстоятельством, что при переходе к рыночным отношениям многие предприятия стали активно освобождаться от своей социальной сферы. Это дополнительно усилило издержки экономических реформ. Возможно, изучение опыта решения социальных вопросов в XX веке позволит по иному рассмотреть концептуальные вопросы советской и постсоветской истории России.

Список литературы:

1. Винкельман А.П., Сорина Р.М., Ветеран Башкирской нефтепереработки (Из истории Уфимского ордена Ленина нефтеперерабатывающего завода), Уфа: Башкирское книжное издательство, 1968 – С.89
2. Сибай – Уфа: Башк.кн.изд-во, 1985. – 64с., ил.
3. Очерки по истории Башкирской АССР Т. II. Уфа: Башк.кн.изд-во, 1966. – С.581
4. Кузеев Р.Г Рабочий класс – создатель коммунизма Уфа, 1969; Он же Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР Ч.2. Уфа, 1975; Кузеев Р.Г, Ямалов М.Б. Рабочий класс Башкирской АССР на современном этапе Уфа, 1983; Миннибаев Е.К. Политика Советского государства по социальному развитию рабочего класса СССР в 60 – 80 годы: Учеб. пособие к спецкурсу. – Уфа, 1985 – 179с.; Ямалов М.Б. Индустриальное развитие республики Башкортостан (1965-1985гг.): Научное издание./Издание Башкирского университета. – Уфа, 1998. – 176с.; Ямалов

М.Б. Башкортостан индустриальный. – Уфа: Восточный университет, 2001. – 112с.; Ямалов М.Б. О некоторых особенностях развития социальной сферы Башкортостана во второй половине XX века// Социальная история Южного Урала в Новое и новейшее время: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева, 24 апреля 2003г. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2003 – С.77-80. и другие.

5. Кузеев Р.Г., Ямалов М.Б. Итоги и проблемы изучения истории рабочего класса Башкирской АССР// Рабочий класс и общественное обновление: итоги и задачи изучения: Межвуз. сб. научн.тр./ Башк.пед-т. Уфа. 1991. - С 95.

6. Давлетшин Р.А, Касимов С.Ф, Сулейманова Р.Н. Некоторые концептуальные основы истории Башкортостана в XX веке // Республика Башкортостан в XX веке. Теория. Методология. Историография: Сборник научных трудов. – Уфа: «Восточный университет». 1998. - С. 18.

Соколов И.А. Чай и чаепитие в русской живописи двух столетий: начало XIX – конец XX вв.

Расцвет традиции массового русского чаепития приходится на XIX – первую треть XX вв. Именно в XIX в. чай становится в полной мере русским национальным напитком, всё больше вытесняя квас. Тогда же, в XIX в. по-настоящему народным становится самовар. Если ещё в конце XVIII в. большая часть самоваров – товар элитный¹, штучный и доступный далеко не всем, то в XIX в., самовары уже имеют и очень небогатые люди.

¹ См., например, самовар конца XVIII в., сделанный тульскими мастерами Н. и Г. Черниковыми. Медный самовар превращён в произведение искусства и украшен патинировкой, чеканкой и гравировкой. 34,4x25,3x19,2. – Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

Так, Маркиз де Кюстин, извечный хулитель России, побывавший в России в 1839 г. писал в своей книге, что «русские, даже самые бедные, имеют дома чайник и медный самовар и по утрам и вечерам пьют чай в кругу семьи ... деревенская простота жилища образует разительный контраст с изящным и тонким напитком, который в нем пьют»¹.

Разумеется, пришествие в быт практически всех слоёв российских граждан чая, не могло не отразиться на русской живописи этого периода. Первыми картинами, которые приходят на ум, когда мы вспоминаем о чае наверняка будут картина Б.М. Кустодиева «Купчиха» (другое название – «Купчиха за чаем») и работа В.Г. Перова «Чаепитие в Мытищах близ Москвы 1862 г.»². Редко когда вспоминают ещё картину К.Е. Маковского «За чаем». На этом список, как правило, обрывается.

Поэтому, нам представляется логичным выявить некоторую часть наиболее значимых работ. Разумеется, дать описание всем работам в одной статье возможности не представляется. Представляется логичным выделить четыре основных периода, которые представили своё понимание чая и его места и значения в русском быте: первый период – с 1800 по 1850-е гг., второй – с 1850-х гг. по 1900 гг., третий захватывает временной промежуток с 1900 по 1917 гг., четвёртый представлен советским периодом – с 1918 г. по конец 1980-х гг.

Такое хронологическое деление может быть оправдано тем, что иначе практически невозможно разбить художников самых различных жанров на некие общие группы. Если даже попытаться выделять «классику» и «авангард» целый ряд художников зримо выбиваются из этих рамок. Так, например, невозможно увязать ни с классикой, ни с авангардом самобытного

¹ Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. /Пер. с фр. под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата.– М., 1996. – 528 с. – (Записки Прошлого). – Т. I. – С. 317.

² Перов В.Г. «Чаепитие в Мытищах близ Москвы 1862 г.», 1862 г.

Б.М. Кустодиева и ряд других живописцев. Попытка же описать каждое направление с его особенностями выльется в монографию по искусствоведению и не позволит нарисовать сжатую картину.

Поэтому остановимся на хронологических рамках и наиболее интересных работах, характеризующих каждый период.

Живопись первой половины XIX века¹.

В первой трети XIX в. в живопись приходит новая мода: «...в этот период появился своеобразный вид изображений в живописи и графике, получивший общее название «в комнатах»². Именно начиная с этого периода начинает появляться масса работ, где отражена бытовая сторона жизни различных сословий. Это веяние пришлось весьма кстати, так как именно в первой трети XIX в. чай начинает постепенно, но прочно, входить в жизнь значительной части русского общества и мы можем отслеживать через живопись вхождение чая в быт общества.

В других странах бытовая тематика входила в моду значительно раньше России. В частности, в Японии в XVII в. сложилась школа Укийё-э (буквально – «образы повседневного мира»). Эта школа отразила демократические тенденции в искусстве, в противовес аристократическим

¹ В ряде случаев, когда художник принадлежит, в большей степени более раннему периоду, нежели его работа, где присутствует чайная тематика, художник и его работы могут включаться в более ранний блок. Часто творчески сформировавшиеся до Революции 1917 г. художники работали в советский период, в этом случае они всё-таки выносятся в послереволюционный блок, однако мы подразумеваем значительное остаточное влияние дореволюционной школы живописи и «ментальное наследие» в их творчестве.

² Соколова Т.М, Орлова К.А. Глазами современников: Русский жилой интерьер первой трети XIX века. – Л.: «Художник РСФСР», 1982. – 184 с., ил. – С. 5, 7, 8-9.

школам Кано и Тоса, показывала жизнь и быт ремесленников, торговцев, актёров, гейш. Вплоть до XVIII в. интерес к бытовой стороне жизни отчётливо прослеживается в работах многих японских художников. В частности, можно вспомнить гравюру Исода Корюсана конца XVIII в. «Чайная церемония». В этом смысле интерес русского общества к бытовой стороне жизни был предсказуем: и Европа и Восток проходили через подобный интерес.

Картина «Кухня»¹, приписываемая искусствоведами творчеству Г.А. Крылова (1805-1841), изображает интерьер кухни и место в ней самовара. В этой работе ученика А.Г. Венецианова, предметы интерьера изображены с привязкой к пространству. Художника здесь интересуют не просто вещи, а предметы в их взаимосвязи взаимодействии со средой и друг с другом.

Бытовые сценки из жизни привлекали в первую половину XIX в. многих талантливых художников, в частности – П.А. Федотова (1815-1852). Это был ученик К.П. Брюллова и А.Н. Зауэрвейда, получивший военное образование и вышедший в отставку по совету баснописца И.А. Крылова. Хотя в наибольшей степени прославили Федотова такие поздние его картины как «Свежий кавалер» и «Сватовство майора», от художника осталась масса менее известных работ его любимого бытового жанра. К таким можно отнести его исключительно живой рисунок «За чаем»².

Предшественником П.А. Федотова был Г.Г. Гагарин (1810-1893), - искусный русский рисовальщик первой половины XIX в. Он также отметился

¹. Крылов Г.А. (?) «Кухня», 1826 – нач. 1827 г. Картон, масло. 35,5x44. – Государственный Русский Музей, Санкт-Петербург.

² Федотов П.А. «За чаем» (второе название – «За чаепитием»), вероятно, 1840-е гг. XIX в. Рисунок. – Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

интересным для нас рисунком «Купцы у самовара»¹, на которой купцы пьют чай. Именно эти рисунки, очень живые, и побудили Ф.А. Соллогуба написать повесть «Тарантас».

А.А. Агин (1817-1875), ещё один живописный последователь Г.Г. Гагарина, отметил великолепным рисунком «Чичиков у Ноздрёва»². Мотив чаепития за самоваром мы встречаем и в его не менее красивом рисунке «Чичиков у Коробочки»³. В его, более поздних по времени работах, также встречается чайная тема.

Живопись второй половины XIX века.

Чайно-самоварная тема присутствует как важный элемент на многих картинах второй половины XIX в. В частности, на картине В.М. Максимова (1844-1911) «Шитьё приданого», 1866 г.⁴ Вечер, мечтающая о скорой свадьбе невеста, дети за работой и вносящая в комнату самовар, для вечернего чая, прислужница – такими живыми образами наполнена картина художника В.М. Максимова.

Свадебная тема и самовар как важный элемент достатка середины XIX в. соседствуют на многих картинах. Самовар часто такой же важный атрибут на картинах, как и иконы и приличная обстановка. В частности, на картине И.М. Прянишникова (1840-1894) «В ожидании шафера», 1891 г.⁵

¹ Гагарин Г.Г. «Купцы у самовара», 1839 г. – Иллюстрация к главе XIV-ой повести Ф.А. Соллогуба «Тарантас». – Государственный Русский музей.

² Агин А.А. «Чичиков у Ноздрёва», рисунок. – Иллюстрация к поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души».

³ Агин А.А. «Чичиков у Коробочки», рисунок. – Иллюстрация к поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души».

⁴ Максимов В.М. «Шитьё приданого», 1866 г. – Государственная Третьяковская галерея.

⁵ Прянишников И.М. «В ожидании шафера», 1891 г. Холст, масло. 67x102. – Серпуховский историко-художественный музей.

присутствуют все необходимые атрибуты семейного достатка и, конечно, в углу красуется начищенный до блеска самовар.

К классическим работам, безусловно, можно отнести работу Н.С. Третьякова (1857-1896) «Утром на даче»¹, где мы видим утреннее чаепитие.

Своей работой по интересующей нас теме отметился и К.А. Коровин (1861-1939), написавший картину «За чайным столом»², которая появилась после того, как летом 1885 г. Коровин провёл вместе с семьей своего учителя в деревне Меньшово под Подольском. На картине изображены Н. В. Поленова – жена художника, художницы Е. Д. Поленова и М. В. Якунчикова и друг семьи Поленовых – В. Зиберов. За эту картину в 1888 г. на конкурсе Московского Общества любителей художеств Коровин получил вторую премию³. Искусствоведы сразу отметили сложную разработку тончайших нюансов белого цвета.

Всё в том же 1888 г. появилась картина Н.В. Неврева (1830-1904) «Смотрины»⁴.

В картине известного пейзажиста С.Ю. Жуковского (1873-1944), ученика И.И. Левитана, «Перед террасой»¹ мы видим наспех оставленный

¹ Третьяков Н.С. «Утром на даче», 1888 г. – Государственная Третьяковская галерея.

² Коровин К.А. «За чайным столом», 1888 г. Холст, масло. 48,5x60,5. – Государственный музей-усадьба В.Д. Поленова. Надо заметить, что К.А. Коровин, как и И.И. Левитан, были наиболее известными учениками В.Д. Поленова. Константин Алексеевич Коровин (его называли в семье Поленовых *Костенькой*) был самым любимым учеником Поленова. Часто учитель и ученик ходили на этюды вместе.

³ Русская живопись в музеях РСФСР: художественный альбом. /Сост., вступ. ст. П.Н. Рябинкин. – Выпуск IX. – М.-Л.: ИЗОГИЗ, 1960. – 136 с., ил. – (Художественные сокровища СССР). – С. 15.

⁴ Неврев Н.В. «Смотрины», 1888 г. – Государственная Третьяковская галерея.

стол, где ещё пару минут назад происходило чаепитие; начищенный до блеска самовар соседствует с недопитым чаем в чашках и брошенными вещами. Картина экспонировалась на XXXVI выставке передвижников в 1908 г. и ранее находилась в Румянцевском музее. В этой, по существу, натюрмортной композиции художник развивает свой любимый живописный мотив – тёплые и мягкие лучи заходящего солнца в тихие и ясные предвечерние часы².

В картине малоизвестного художника В.Г. Малышева (1843-?) «Кухня»³ встречаем бытовую сцену из жизни простых людей, присевших на кухне поговорить о жизни.

Центральную часть композиции картины К.Е. Маковского (1839-1915) «Алексеич»⁴, написанной в 1882 г., занимает самовар. Ещё более выразительна его же картина «За чаем»⁵, которую очень любят воспроизводить в различных рекламных и скрытых рекламных изданиях, выпускаемых современными чаеоторговыми фирмами и ресторанами русской кухни.

¹ Жуковский С.Ю. «Перед террасой». Холст, масло. 103x107. – Омский государственный музей изобразительного искусства.

² Русская живопись в музеях РСФСР: художественный альбом. /Сост., вступ. ст. П.Н. Рябинкин. – Выпуск XI. – М.-Л.: ИЗОГИЗ, 1961. – 128 с., ил. – (Художественные сокровища СССР). – С. 11.

³ Малышев В.Г. «Кухня». – Якутский государственный музей изобразительных искусств.

⁴ Маковский К.Е. «Алексеич», 1882 г. – Государственная Третьяковская галерея.

⁵ Маковский К.Е. «За чаем». Холст, масло. 75x64. – Ульяновский областной художественный музей.

Сцена чаепития стала важным элементом и картины И.П. Богданова (1855-1932) «За расчётом»¹, написанной в 1890 г. Этот малоизвестный художник, за которым никогда не признавали особого таланта, начал свой творческий путь лишь в двадцатитрёхлетнем возрасте. Он стал Учеником В.Е. Маковского и И.М. Прянишникова по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества. После окончания обучения И.П. Богданов связал своё будущее с передвижниками и, вероятно, именно из-за этого и избежал полной безвестности.

Много позже, в советский период времени эту картину И.П. Богданова полюбили за «социальное звучание»: бедный работник, пришедший за расчётом и богаты с женой, проводящие время за чаепитием. Критики отмечали, что на картине очень метко изображён образ представителя «сельской буржуазии», ещё небогатый, но с большим будущим. Основная сцена представлялась советским критикам как сцена «обсчёта» богатеем своего работника, хотя такая трактовка кажется весьма вольной и подогнанной под политическую целесообразность значительно позже времени написания картины.

Один из кондовых советских искусствоведов на обороте выпущенной открытки с картиной И.П. Богданова «За расчётом» без малейшего стеснения написал: «Автор запечатлел сцену, которая происходит в доме одного из тех, кто в условиях капитализирующейся России относится к так называемой сельской буржуазии <...> Костяшки счетов этого хозяина-толстосума звучат для рассчитываемого бедняка точно удары кнута»².

Картиной, близкой по композиции картине И.П. Богданова можно назвать работу В.Е. Маковского (1846-1920) «Наём прислуги», 1891 года. На

¹ Богданов И.П. «За расчётом», 1890 г. Холст, масло. 51x64. – Государственная Третьяковская галерея.

² Богданов И.П. «За расчётом»: [открытка]. – М.: Изобразительное искусство, 1980.

картине изображена семья с достатком за чаем, и девушка, планирующая устроиться на работу в семью¹. Эта картина также пользовалась большой популярностью в советское время, так как была «политически правильной». Советский искусствовед о картине «Наём прислуги» писал: «Большую симпатию вызывает простая женщина-крестьянка, пришедшая наниматься в прислуги и рассеянно стоящая под враждебными взглядами изучающих её хозяев»².

В работе В.Е. Маковского (1846-1920) «Любители соловьёв»³, написанной в 1872-1873 гг. самовар также заставляет сконцентрировать на себе внимание. Ещё одной интересной работой В.Е. Маковского, где присутствует чайно-самоварная тема, это картина 1900 г. «Беседа. Идеалист-практик и материалист-теоретик»⁴.

На акварели П.П. Соколова (1821-1899) «Чаепитие» сцена чаепития на природе является центральной сценой⁵. Чаепитие на природе – общий фон и картины В.М. Максимова (1844-1911) «Всё в прошлом», 1889 г.⁶

¹ Маковский В.Е. «Наём прислуги», 1891 г. Холст, масло. 38x52. – Пермская государственная художественная галерея.

² Русская живопись в музеях РСФСР: художественный альбом. /Сост. П.Н. Рябинкин. – Выпуск II. – М.: ИЗОГИЗ, 1956. – 150 с., ил. – (Художественные сокровища СССР). С. 10.

³ Маковский В.Е. «Любители соловьёв», 1872-1873 гг. – Государственная Третьяковская галерея.

⁴ Маковский В.Е. «Беседа. Идеалист-практик и материалист-теоретик», 1900 г.

⁵ Соколов П.П. «Чаепитие». Акварель. Частное собрание И. Зильберштейна (Москва).

⁶ Максимов В.М. «Всё в прошлом», 1889 г. – Государственная Третьяковская галерея.

Центральная тема здесь, конечно, является увядание помещичьего мира, а самовар своего рода – «остаток былой роскоши».

Существует также большой блок произведений живописи, где чайная тема как бы подразумевается, хотя на прямую отражения на картине не находит. В частности, искусствоведы указывают на картину Л.И. Соломаткина (1837-1883) «У трактира» и пишут, что многие из изображённых на картине пришли не просто за кипятком, они надеются напиться горячего чаю в морозный день¹.

Живопись начала 20 века.

Начало XX в. породило просто море различных художников, в чьих работах чайная тема нашла своё развитие.

В 1900 – 1910 гг. как явление появляется т.н. «московская живопись»², это авангардное направление достаточно активно использовало бытовые моменты и, разумеется, не могло обойти вниманием чайно-самоварную тематику. Среди художников и работ этого направления можно выделить: «Натюрморт с кофейником» Н. Гончаровой, 1909 г.; «Самовар» А. Лентулова, 1913 г.; «Натюрморт с самоваром» П. Кончаловского, 1917 г., а также «Натюрморт с самоваром», 1919 г.

На картине А.П. Рябушкина «Чаепитие» 1903 г. группа людей пьёт чай за большим столом³.

¹ Соломаткин Л.И. (1837 – 1883). Утро у трактира. Холст, масло. 52x71. – Иркутский областной художественный музей. О присутствии «чайной» темы в картине: Русская живопись в музеях РСФСР: художественный альбом / Сост., вступ. ст. П.Н. Рябинкин. – Выпуск XI. – М.-Л.: ИЗОГИЗ, 1961. – 128 с., ил. – (Художественные сокровища СССР). С. 5. Действительно, в момент написания картины, чай уже достаточно прочно входит в быт россиян.

² Пospelов Г.Г. «Бубновый валет»: Примитив и городской фольклор в московской живописи 1910-х годов. – М.: Советский художник, 1990. С. 4.

³ Рябушкин А.П. «Чаепитие», 1903 г. Частное собрание.

Рисунок «Натюрморт с чайником»¹ художницы С.В. Рянгиной (1891-1955), написанный в 1923 г., в качестве дипломной работы будущей известной художницы, можно считать отражением ощущений тех лет – отражением неуверенности, суровости и напряжённости окружающего художницу мира.

Картина А.А. Лебедева-Шуйского (1896-1978) «Натюрморт с самоваром»² проникнута чувственной силой живописи, максимально подчёркивает материальность объекта.

Наибольший вклад в «чайную» тему в живописи начала XX в., несомненно, внёс бытописатель русской дореволюционной России Б.М. Кустодиев (1878-1927). Б.М. Кустодиев родился в Астрахани, его мать происходила из купеческого рода, а отец был преподавателем русского языка в гимназии.

Учиться Кустодиев начал в духовной семинарии, т.к. после смерти отца семья оказалась в бедственном положении. Очень рано у него открылся талант к рисованию. Первым его учителем стал выпускник Академии художеств П.А. Власов, а затем, уже поступив в 1896 г. в Академию художеств, где совершенствовал своё мастерство под руководством И.Е. Репина. В качестве пансионера Академии художеств Кустодиев смог побывать за границей, что немало способствовало его творческому развитию. После Первой русской революции 1905 г. он увлекается жанровой живописью. Обилие бытовых сцен способствовало наиболее полному отражению места чаепития в русской жизни и культуре начала прошлого века.

¹ Рянгина С.В. «Натюрморт с чайником», 1923 г. Холст, масло. 111x106. – Псковский государственный объединённый историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

² Лебедев-Шуйский А.А. «Натюрморт с самоваром», 1921 г. Холст, масло. 97x106. – Пензенская областная картинная галерея.

Среди наследия художника можно выделить не одну выдающуюся работу интересующей нас тематики. В 1922 г. художник предложил Петроградскому издательству «Аквилон» издать в виде альбома 25 акварелей «Русские типы», сделанных им в течение 1919-1920 гг. В 1923 г. этот альбом был опубликован под названием «Русь» небольшим тиражом в 1.000 экземпляров (Русские типы Б.М. Кустодиева), а вступительное слово к этому альбому написал известный писатель Е.И. Замятин – друг Б.М. Кустодиева.

Одна из работ Б.М. Кустодиева акварель «Трактирщик»¹, в которой живо изображён интерьер типичного трактира и сам трактирщик. Эта работа дополняется акварелью «Половой»², изображающей полового, который несёт чай и другие заказы посетителям. Эта акварель является частью большого замысла, который мы увидим в литографии художника «Трактир». Общую же картину дополняет акварель «Извозчик в трактире»³, где дородный извозчик попивает чай с баранками. В литографии «Трактир»⁴ обобщаются предыдущие творческие опыты художника. Но все эти работы лишь развивают тему изображения московских трактиров, детализируя сцены.

Пожалуй, более известна работа Б.М. Кустодиев «Московский трактир»⁵, написанная в 1916 г. и предвещающая более поздние работы вроде «Трактирщика». По сравнению с более поздним временем, когда художник

¹ Кустодиев Б.М. «Трактирщик», акварель 1920 г. – Музей-квартира И.И. Бродского, Санкт-Петербург.

² Кустодиев Б.М. «Половой», акварель 1920 г. – Музей-квартира И.И. Бродского, Санкт-Петербург.

³ Кустодиев Б.М. «Извозчик в трактире», акварель 1920 г. – Музей-квартира И.И. Бродского, Санкт-Петербург.

⁴ Кустодиев Б.М. «Трактир», литография, 1921 г. – Государственная Третьяковская галерея.

⁵ Кустодиев Б.М. «Московский трактир», 1916 г. – Государственная Третьяковская галерея.

начинает уделять всё большее внимание деталям, «Московский трактир» задаёт общее направление, давая общий план типичного трактира.

Отдельное направление в творчестве Б.М. Кустодиева – несколько картин, на которых изображены купчихи за чаем. Наиболее известна из этой серии «Купчиха» 1915-го г.¹. В дальнейшем появилось авторское повторение «Купчиха за чаем», 1918 г.². В 1920 г. автор вновь возвращается к этой теме и пишет новую, отличную от предыдущих, «Купчиху за чаем»³, которая повторяет предыдущие его работы несколько схожей композицией, эта картина значительно менее известна.

В то же время Кустодиев писал не только купчих, как считают некоторые. Доказательством тому служит его акварель «Торговка овощами»⁴, на которой торговка в ожидании покупателей неспешно потягивает чай. Ещё одной интересной работой Б.М. Кустодиев является его картина «Чаепитие», где на открыто воздухе за чаем собралась целая весёлая компания. В 1926 г. появилась картина Б.М. Кустодиева «Осень в провинции», где важное место занимает сцена чаепития⁵.

Имеется также масса других его работ, где присутствует чайная тема, простое перечисление работ заняло бы немало места, поэтому его можно опустить.

¹ Кустодиев Б.М. «Купчиха», 1915 г. Холст, масло. 204x109. – Государственный Русский Музей.

² Кустодиев Б.М. «Купчиха за чаем», 1918 г. Холст, масло. – Государственный Русский Музей.

³ Кустодиев Б.М. «Купчиха за чаем», 1920 г. Холст, масло. 71,5x71. – Частное собрание, Москва.

⁴ Кустодиев Б.М. «Торговка овощами», акварель. – Музей-квартира И.И. Бродского, Санкт-Петербург.

⁵ Кустодиев Б.М. «Осень в провинции», 1926 г. Холст, масло. 71x71. – Государственная Третьяковская галерея.

Некоторый интерес представляет картина И.С. Куликова «В крестьянской избе», написанная в 1902 г.¹ И.С. Куликов был учеником И.Е. Репина. Именно за картину «В крестьянской избе» И.С. Куликов получает большую золотую медаль Академии художеств.

Чайная тематика, как представляется, в этой картине И.С. Куликова очень тонко вплетена в общую зарисовку из быта крестьянской семьи. На картине семейная группа из семи крестьян собралась за столом и пьёт чай. Безусловно, картина написана в общем стиле поэтизации крестьянского быта, «в тёплых тонах» которые создают особое впечатление у зрителя, но с исторической точки зрения картина точна. Любопытно, что эта одна из многочисленных картин, которые уже своим существованием опровергают мнение целого ряда историков, наивно считающих, что чай был, якобы, недоступным для крестьян напитком вплоть до 1930-х гг.

В 1907 г. появилась картина с аналогичным сюжетом: крестьяне за самоваром. Автором картины был художник К.В. Лебедев (1852-1916), картина называлась «На Родине»².

Зажиточные крестьяне за чаепитием показаны на картине Н.П. Богданова-Бельского (1868-1945) «На новой квартире» (другое название этой же работы – «Новые владельцы»), написанной в 1913 г.³ В советский период эта картина хранилась в Музее Великой Октябрьской социалистической революции, что не удивительно, т.к. на картине изображён «кулак»,

¹ Куликов И.С. «В крестьянской избе», 1902 г. Холст, масло. – Псковский государственный объединённый историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

² Лебедев К.В. «На Родине», 1907 г. – Государственная Третьяковская галерея.

³ Богданов-Бельский Н.П. «На новой квартире» («Новые владельцы»), 1913 г. Холст, масло. 178x207.

купивший бывшее барское имение и отмечающий покупку чаепитием в кругу семьи за самоваром.

Н.П. Богданов-Бельский пользовался большим успехом в начале нашего столетия как портретист и автор картин из крестьянской жизни. В 1913 г. он написал картину «Новые владельцы» (в музее она названа – «На новой квартире»). Советским идеологам эта картина была очень близка, т.к. показывала гибель «дворянских гнёзд»: на заднем плане картины ещё висит портрет одного из бывших владельцев усадьбы, но чаёвничают здесь уже новые люди – представители нарождающейся сельской буржуазии.

Как отмечал один из советских искусствоведов о творчестве Богданова-Бельского вообще и, в частности, этой картине: «Богданов-Бельский не пытался глубоко осветить присутствие «новых владельцев» в деревне, но сумел верно передать их облик и свойственное им чувство уверенности в своём положении»¹.

Написанная в 1914 г. в ярких тонах картина «Гости»² художника-передвижника и художника-реалиста А.Е. Архипова (1862-1930) проникнута крестьянской романтикой. Художник вошёл в историю искусства как замечательный художник-реалист.

Творчество А.Е. Архипова особенно ценилось в советский период, т.к. он воспевал именно трудовой народ и красоту родной природы. Родился он в семье рязанского крестьянина, т.е. имел «правильное» социальное происхождение с точки зрения советской власти. В 1877 по 1888 гг. А.Е. Архипов учился в Училище живописи, ваяния и зодчества и Академии художеств. Учителями его были выдающиеся художники: В.Г. Перов, В.Д. Поленов, В.Е. Маковский.

¹ Русская живопись в музеях РСФСР: художественный альбом /Сост., вступ. ст. А.Н. Савинов. – Выпуск XI. – М.-Л.: ИЗОГИЗ, 1961.– 128 с., ил. – (Художественные сокровища СССР). С. 18.

² Архипов А.Е. «Гости», 1914 г. – Государственная Третьяковская галерея.

Переняв у своих учителей многое от реализма, в то же время, А.Е. Архипов смог сформироваться как уникальная с художественной точки зрения личность. Как отмечают искусствоведы, творческая личность художника сформировалась в 1890-х гг. Общеизвестно, что стиль художника сформировался ещё в дореволюционный период (что признавали и советские искусствоведы), в то же время его творчество стало одной из основ появившегося позднее соцреализма.

В 1917 г. появилась картина написанная ещё под значительным влиянием дореволюционной живописи – картина С.А. Виноградова «У моря (Алупка)»¹. Вид на море и самовар на столе привлекают внимание зрителя не меньше, чем женская фигура.

Часто самовар на картинах занимает центральное место, как правило, это «парадная сторона» быта, но бывает, что даже чистка самовара становится самостоятельным художественным сюжетом; в качестве примера можно привести картину художника Н.К. Пимоненко (1862-1912) «Девушка с самоваром»².

Советский период.

Чайная тема нашла своё продолжение даже в советский и поздний советский период времени. Появляется масса работ, где чайная тематика является центральной темой, ещё больше работ, где чай и самовар играют вспомогательную сюжетную роль.

В 1926 г. появился этюд к картине «Чаепитие» художника К.С. Петрова-Водкина (1878-1939)³.

¹ Виноградов С.А. «У моря (Алупка)», 1917 г. Холст, масло. 102х80. Частное собрание.

² Пимоненко Н.К. «Девушка с самоваром». – Орловская областная художественная галерея.

³ Петров-Водкин К.С. Этюд к картине «Чаепитие», 1926 г. Холст, масло. 73х60.

Чай в деревенском быту уже советского периода мы можем встретить в работах целого ряда художников. Для примера можно привести работу В.Ф. Стожарова (род. 1926 г.) «За самоваром», 1956 г. На картине изображена сельская семья из 3-х человек, собравшаяся к чаепитию за самоваром.

Очень часто комедийные сюжеты с чаепитием встречаются на различных открытках. Так, на открытке 1969 г. лиса угощает бегемота чашечкой чая¹. На другой открытке «Поздравляем!» за чаепитием с самоваром собралась компания разной живности².

Даже когда к новогодним праздникам выпускались сувениры и открытки, на них зачастую присутствовала сцена с чаепитием. Для примера можно привести новогоднюю открытку 1984 года, на которой довольный заяц распивает чай³. Ещё одна новогодняя открытка с чаепитием изображает мальчика и Деда Мороза за чаем около самовара⁴.

В советское время многие картины носили на себе явную пропагандистскую печать, часть картин, на которых изображена сцена чаепития также проникнуты явной или скрытой пропагандой. В частности можно вспомнить картину советского художника Б.В. Иогансона (род. 1893 г.) «Сговор у кулака», написанную в 1933-1934 гг.⁵ На картине самовар с чаем (он, видимо, должен дополнительно символизировать некоторую зажиточность) соседствует с водкой, а общество из кулака и его друзей представлено омерзительными личностями.

¹ Баженов Л. «Ещё чашечку?»: [открытка]. – М.: «Советский художник», 1969.

² Ясюкевич Ю. «Поздравляем!»: [открытка]. – М.: «Изобразительное искусство», 1989.

³ Зарубин В. «С Новым годом!»: [новогодняя открытка] – М.: Гознак, 1984.

⁴ Зарубин В. «С Новым годом!»: [новогодняя открытка]. – М.: Гознак, 1967.

⁵ Иогансон Б.В. «Сговор у кулака», 1933-1934 гг. – Свердловская картинная галерея.

Являясь одним из самых демократичных напитков, чай и дальше будет привлекать к себе внимание художников. «Китайская травка» уже в XIX в. превратилась в русский народный напиток¹, сформировала значительный пласт культуры нашей страны.

¹ В представлении многих людей конца XIX – начала XX вв. чай воспринимался иногда даже как «национальный», «русский» напиток; и это несмотря на его сугубо китайское происхождение и то, что ещё в начале XIX в. чай был для подавляющей части русского населения «китайской травкой», а иногда и «жёлтым бесом». Разумеется «русскость» чая активно эксплуатировали и многие чаоторговые компании. Чай из Индии и с Цейлона появился на мировых рынках в значительных объёмах только в конце XIX в. До последней трети XIX в. чай, был, преимущественно, китайский и лишь небольшая часть была из Японии.

Авторы:

Винокуров Д.А. – Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

Гурьев В.И. – аспирант ГОУ ВПО МГПУ.

Дёмин И.В. – Самарский государственный аэрокосмический университет.

Лазутин А.В. – ПГСГА.

Мамонов А.В. – студент ГОУ ВПО МГПУ.

Пешкова Ю.Н. – аспирант ГОУ ВПО МГПУ.

Платонова А.А. – аспирант общеуниверситетской кафедры истории ГОУ ВПО МГПУ.

Репинецкий С.А. – к.и.н., Президент СГОО «Сообщество молодых учёных», первого зам. пред. Совета молодых учёных при КДМ Администрации г.о. Самары.

Серганин М.В. – Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

Соколов И.А. – историк, специалист по истории чая и чайной торговли в Российской империи.